

Осколок империи

Автор:

Влад Поляков

Осколок империи

Влад Поляков

Осколок империи (Влад Поляков) #1 Современный фантастический боевик (АСТ)

Российская империя рухнула, Гражданская война проиграна, а немногие уцелевшие в ее огне побежденные рассеялись по миру. Вот только и более десяти лет спустя в Стране Советов еще есть те, кто помнит. Помнит смерть своих родных и не собирается об этом забывать. Одного из них ведет по извилистой дороге жизни исключительно месть, но ограничится ли «осколок империи» только ею? Или же у него появится шанс замахнуться на большее, чем столь желанное, но все же обычное возмездие...

Влад Поляков

Осколок империи

© Влад Поляков, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Тушите свет, поперло быдло кверху,

Как будто дрожжи кинули в дерьмо.

Россия открывает путь к успеху

Крутому и отвязанному чмо.

Наверно, зря жалел Деникин хамов –

Их надо было розгой да плетьюми.

А вот теперь ни воинства, ни храмов,

И мается Россия их детьми.

Трофим. «Аристократия помойки»

Допустимо и возможно, что погибнет и 90 % населения, чтобы оставшимся в живых 10 % удалось дожить до всемирной революции и до социализма.

В. И. Ленин

Пролог

Что такое жизнь в аду, и есть ли из него выход? Сложнейшие два вопроса, на которые наверняка пытались ответить многие философы и еще большее количество теологов. Эх, было бы хорошо, если бы только эти категории людей были этим озадачены. Или, на худой конец, кто угодно, кроме меня самого. Но нет, не судьба. Моя судьба другая – очень хорошо знать ответ на оба вопроса и делать все, чтобы устроить для себя выход из того самого ада, личного и уникального. И вся штука в том, что я знаю, как это сделать. Вот только сложно это, крайне сложно.

Впрочем, даже путь в тысячу ли начинается с первого шага, как говорили древние китайские мудрецы. А я этот первый шаг сделал уже давным-давно, в тот самый момент, когда самому себе поклялся, что уничтожу всех тех, кто был причастен к убийству семьи: матери, сестры, деда... Тогда еще, в недобром

восемнадцатом году, зимой. Будь то время навеки проклято вместе с теми, кто уничтожил весь дорогой и привычный мне мир.

Восемнадцатый год, время сразу после Великой Октябрьской революции, чтоб ей ни дна, ни крыши! Тогда мне было... да, было лишь восемь лет, ведь родился я тоже в октябре, но одна тысяча девятьсот девятого года. И в столь нежном возрасте пришлось пережить такое, от чего детство закончилось моментально. А началась... жизнь без прикрас.

Сейчас же у нас лето тридцатого. Мальчик успел вырасти, многому научиться, почувствовать себя не загнанной дичью, а хищником, пусть еще и молодым, далеко не опытным. И этот самый хищник вышел на охоту – не первую по существу, но первую в плане мести за былое.

Хороша ночь в Воронеже. Теплая, несильный ветерок придает дополнительный заряд бодрости и свежести, не чета дневному солнцепеку. Луны, волчьего солнышка, сегодня нет, что не может не радовать. Что до уличного освещения, то хвала всем высшим силам и склонности к экономии совдеповских функционеров. Видимо, они считают, что «электрификация всей страны» – дело нужное, но великий вождь и учитель товарищ Ленин не завещал, что это самое электрическое освещение должно быть очень уж ярким. Вот и светит так себе, скорее указывая направление, чем действительно разгоняя тьму. Впрочем, я этому только рад.

Безлюдно вокруг, и это тоже есть хорошо. Приличное место, где живут, кхм, «приличные люди» по меркам Страны Советов. Номенклатура, мать ее вперехлест через центр мирового равновесия и следом шашку динамита с подожженным фитилем. Партийный народ, причем из числа тех, которые не просто партбилетами отягощены, а сидят в разных горкомах-райкомах и просто на ответственных и хлебных местах.

Впрочем, все они мне не требуются, нужен лишь один, а именно заместитель начальника культурно-пропагандистского отдела воронежского горкома Анохин Степан Порфирьевич. Давно я его не видел, очень давно, почти тринадцать лет. Но теперь пришла пора пересечься нашим путям-дорожкам. Честно говорю, мне дико повезло! С другой стороны, должны же были дать результат эти постоянные просматривания в библиотеках всей мало-мальски значимой прессы. Сотни, тысячи разных лиц, которые сливаются в одно серое пятно, и все нарастающее раздражение... И вот она, яркая вспышка узнавания. Не на первой

странице была статья, ничего особенного из себя не представляла, но не в том же суть. Главное, что на фотоснимке, пущенном в печать, помимо прочих, присутствовал и дорогой товарищ Анохин.

Изменился за прошедшие годы, сильно изменился. Вот только заметный шрам под левым глазом был очень уж приметным. Благодаря ему я тебя и запомнил раз и навсегда. Ты, скотина богомерзкая и бесонеугодная, мне каленым железом впечатался в память, куда сильнее прочих. И вот я тебя нашел. Нашел и теперь жду, когда ты наконец вернешься домой с работы. Не пешочком притопаешь, а на автомобиле, с водителем, как и полагается пусть не самому главному в городе и даже горcome, но все ж заметному партийному функционеру.

Тишина. Свет в окнах домов уже почти не горит. Так, редкие полуночники еще заняты своими делами или просто предпочитают отдыхать при свете, бес их разберет. Мяв сцепившихся котов, отдаленный вопль, в котором явственно слышно, что обладатель голоса банально пьян. Чего орет? Может, кто по кумполу кастетом зарядил, чтобы карманы обчистить, а может и просто так взвыл, от избытка алкоголя в организме. Плевать!

А вот на приближающийся звук автомобильного мотора плюнуть никак не получится. Может, и не он едет, а может, и он. Будем смотреть, благо ждать недолго осталось. Та-ак, и что тут у нас? Американский «Форд-Т», известная по всему миру «жестянка». Много таких сюда завезли во времена НЭПа, к нынешнему моменту почти канувшего в Лету. Ну да не о том речь.

«Фордик» белый, с черной полосой по бокам – приметная раскраска. Ожидаемая мной раскраска, если совсем уж честно. В нем товарищ Анохин и ездит, сука. Вернее, уже доездили, потому как эту ночь ему не пережить. И его водителю тоже. Хотя он по сути ни при чем, просто нежелательный свидетель.

Автомобиль останавливается, но мотор пока еще работает. Судя по всему, водитель собирается, после того как проводит начальство до дверей квартиры, ехать дальше, по делам своим или не очень. Стандартное явление, предыдущие два раза он именно так и поступал. Вот только мне этого не надо. Рука инстинктивно тянется к рукояти люгера, заткнутого за ремень, но тут же отдергивается. Пистолет – это не то оружие, которое сейчас нужно. Шум – как часто он бывает врагом многих планов. Нет уж, шуметь мы не будем, нужна тишина. Полная и абсолютная. А лучший друг тишины в моем случае – хорошо отточенный и пригодный к метанию нож. Если же таких друзей несколько и ты

умеешь находить с ними общий язык... Думаю, что пояснения не требуются.

Тень – это хорошо. В ней удобно прятаться от постороннего внимания. Ну а прикрываясь тенями, хорошо получается скользить вдоль стены, приближаясь к намеченным целям. Анохин даже и не собирается смотреть по сторонам, искренне уверовав за прошедшие годы, что видным партийцам в СССР бояться по сути и нечего. Даже уголовники стараются не связываться, потому как рабоче-крестьянская милиция в таких случаях быстро возбуждается и начинает переворачивать все их малины вверх тормашками в поисках виновников. Нет, лучше уж простых фраеров доить и щипать. Оно спокойнее.

А вот водитель еще и немного охранник. Так, самую малость. Но тоже давно и прочно развращен ощущением той самой безопасности, когда находится рядом с начальником. Мелочь, а приятно. Или не мелочь, но все равно приятно.

Анохин выходит из машины, небрежно захлопывает за собой дверь... Ну и располнел ты, Степан Порфирьевич. Брюхо отъел нехилое, брыли как у зверя-бульдога отвисли. Хоть бы бороду отпустил, что ли! Ан нет, чисто выбрит. Про дорогой костюм и говорить не стоит, это неременный атрибут новых хозяев жизни. В руке небольшой чемоданчик. В таких обычно партийцы важные документы перевозят с работы и на работу. Рутинка, одним словом.

Выбрался наружу и водитель. И сразу засуетился вокруг Анохина, сделав попытку взять чемоданчик, чтобы тому легче до дома шагалось. Нет, ничего в мире не меняется, невзирая на все их коммунизмы и прочие социализмы. Где есть хозяева, там и холуи найдутся, только вот нынче первые до такой степени обмельчали, что аж видеть тошно. Пыжата, раздуваются, а никакого впечатления не производят. Из грязи да в князи, причем из самой что ни на есть помойной грязи.

Мысли ничуть не мешали мне делать свое дело – подбираться поближе к этой парочке. Неслышно, незаметно, стремясь приблизиться почти вплотную... Все же куда лучше бить ножом, а не метать его. Меньше шансов на то, что жертва успеет вскрикнуть. Ну да тут уж как бог пошлет.

Попавшийся под ноги камешек... Ай как плохо! Неужто придется упражняться в метании? Нет, пронесло. Даже голову в сторону источника звука никто не повернул.

Двинулись вперед, в недолгий путь до дверей подъезда: сначала Анохин, а за ним, изображая верный хвостик, водитель с чемоданчиком в руке. Все же сумел изобразить полезность, стервец. Удачное расположение. Ну, понеслась! Три, два, один...

Бросок вперед. Правая, вооруженная ножом рука вонзает стальное жало под лопатку жертве, ну а левая тем временем зажимает ей рот. Нечего тебе звуки издавать, не к месту это. Теперь выпустить рукоятку клинка, ни в коем разе его не выдергивать. Кровь, она такая, может брызнуть так, что неслабо в ней уделаешься. Лучше уж так, благо нож не есть великая ценность. Так, обычная финка, каких у местных урок по рукам много ходит. Да и отпечатков пальцев на ней нет, не зря ж я в тонких кожаных перчатках щеголяю.

Медленно, слишком медленно Анохин разворачивается. Он еще ничего не понимает, просто хочет любопытствовать, что ж это такое у него за спиной происходит? Наверное, подумал, что водитель его споткнулся или там доверенный чемоданчик выронил. Поздно думать, думать надо было раньше, многие годы тому назад. Сейчас все твои мысли уже ни на что не повлияют.

Безжизненное тело водителя мягко оседает, я же вбиваю кулак в «солнышко» Анохина. И эффективно, и ни писка издать не может. Лишь рот открывается, словно у вынутой из воды рыбы, да в глазах даже не страх, а глубокое непонимание происходящего. Ничего, потом поймешь, это я тебе обещаю. А пока сонную артерию ему прижать, чтобы на несколько минут сознание потерял. Теперь надобно решить, что делать дальше, точнее, не пора ли быстро сматываться, использовав для бегства тот самый автомобиль.

Заметили или нет? На улице, как уже было подмечено, никого. Бдительные наблюдатели из числа полуночников? Вроде тоже нет. Иначе был бы шум, зажглись бы другие окна, были бы видны тени в уже освещенных, их движения. Но на всякий случай чуток выждем. Не просто так, а занимаясь важным делом – переносом в «форд» одного живого и одного мертвого тела. Мертвое, с ножом под лопаткой – под заднее сиденье и прикрыть брезентом. Живое и нужное для разговора по душам – озадачить кляпом.

Все? Пожалуй. Теперь только ждать. Чего именно? Не проявятся ли признаки шума и, разумеется, прихода в себя товарища Анохина.

Тишина. Лишь обычные ночные звуки, естественные и не несущие угрозы. Значит, можно приступить к передислокации аккуратно в квартиру моего пленника. Сейчас там пусто, поскольку его жена с двумя дитятками уехала на морской курорт. Куда именно – меня совсем не интересует. Не мешает разговору, и ладно.

– Просыпайся, спящий красавец, – заодно со словами выделяю Анохину пару увесистых оплеух. Неплохое средство для приведения в сознание. – Или тебя лучше ножиком в задницу уколоть для ускорения дела?

О, заморгал! Глаза совсем выпучились, лицо покраснело, напомнив о вареных раках, глухое и явно протестующее мычание раздается. Нет, такой вариант мне категорически не нравится. Скромнее надо быть, «товарищ», в твоём-то плачевном положении. Достāju другой нож, ещё не использованный, и аккуратно так подвожу кончик клинка прямо к левому глазу пленника.

– Будешь вести себя тихо или сделать из тебя одноглазое лихо?

– М-му! – протестующе так и даже угрожающе. – Мг-м-м!

– Очень выразительно и эмоционально сказано, – охотно соглашаюсь я. – Убедил, до одноглазости тебе ещё далеко. Начнем, пожалуй, вот с этого.

Несильный укол острием ножа в бедро. Вреда мало, зато больно и показывает то, что это лишь начало. Новый невнятный звук, но уже куда менее агрессивный. Скорее уж в нём прослеживается обещание «быть паинькой и больше не нервировать злого человека с острым ножиком». Однако лучше заранее кое-что прояснить:

– Сейчас я выну кляп, и мы с тобой тихо, спокойно и без глупостей пойдём в твою квартиру. Попробуешь дернуться или закричать – вспорю твоё жирное брюхо и будешь умирать долго и мучительно. Я внятен?

– М-м-гу!

И головой кивает для убедительности. Но главное не кивки и не попытки промычать нечто утвердительное. Основное – плещущийся в глазах страх. Вот

ему, в отличие от всего прочего, я верю. Поэтому одним движением вынимаю кляп изо рта Анохина и тихо говорю:

– Вперед, партийный. И без глупостей у меня.

Глупостей явно не ожидалось. Анохин трясся всей своей немаленькой тушей, было видно, как крупные капли пота катятся по мясистой шее, да и походка была вся такая неуверенная. Бойтся. Это хорошо. Он шел впереди, я сзади, внимательно отслеживая все возможности с его стороны рвануть от меня. Маловероятно, но все же.

Дверь подъезда, лестница, подъем на третий этаж. Анохин медленно достает из кармана ключи и отпирает дверь. Заходим внутрь, он все так же трясется, но теперь его страх словно бы стал другим. Стой, а я такое уже видел. Теперь к страху смерти добавился страх не успеть сделать что-то очень важное. А что может не успеть этот без пары часов покойник?

Избавиться от угрозы в моем лице! Но в квартире никого нет, это очевидно. Значит, есть другой способ...

– Нужны деньги? – севшим от волнения голосом сипит Анохин. – У меня их много, в тайнике. За картиной ниша, я открою. Бери все, только не убивай!

– Иди. Показывай, – вновь легкий укол ножом, на сей раз в спину. И снова ощущение, что поведение пленника изменилось. Да не ощущение уже, четкая уверенность. Тайник, значит. Ну-ну. – И без всяких там фокусов, фраер!

Маскировка под уголовника – дело полезное. К тому же эту маску надевать легко и просто – есть большой опыт в общении с этой прослойкой общества, которую сам Ленин объявил для пролетариата «классово близкой».

А Анохин-то как засуетился! Осторожненько так подходит к одной из картин, простенькому такому натюрморту, снимает и ставит на пол. Ниши вроде как не видно. Впрочем, тайник на то и тайник. Нажимает на ничем не примечательное место чуть ниже крепления и после с заметным усилием сдвигает в сторону кусок стены. Вот и ниша, она же закрома отдельно взятого партработника. Толстые пачки денег, футляры-коробочки...

– Вот, берите все! – выдыхает Анохин, а сам в это время заметно напрягается. – Держите, я...

Ребром ладони тебя, да по шее! Несильно, чтобы, не дай бог, не сломать, а лишь ненадолго лишит сознания. Теперь поймать тело и усадить в ближайшее кресло. Кляп в пасть, руки полосками ткани привязать к подлокотникам. Готово. Теперь закрыть входную дверь на замок, и можно поинтересоваться, чем же меня этот гаденыш горкомовский хотел удивить?

О как. Карманный браунинг модели 1906 года. Маленький такой, лежащий аккуратно под пачками банкнот. Будь на моем месте просто уголовник, хозяин квартиры мог бы и успеть. Да, мог бы, ведь далеко не всегда он просиживал штаны в этом своем горкоме. И стрелять уметь должен. А как иначе? Сотрудники ЧК всегда готовы были стрелять. Умение было так себе, но энтузиазм пер изо всех щелей.

А браунинг я себе возьму. Хорошее оружие. Не в плане точности или мощи, а в качестве незаметного оружия «последнего шанса». Вес всего четыреста грамм, длина десять сантиметров. Его не то что в карман, к ноге прикрепить можно, под штаниной не видно будет. Точно себе, даже не сомневаюсь. Да и запасы Анохина на черный день я тут оставлять не собираюсь. Пачки денег, несколько упаковок золотых червонцев, малость ювелирных изделий. Все, что нажито годами непосильного труда сначала на ниве красного террора, а потом в спокойном партийном строительстве. Гнида чекистская!

Кстати о гнидах. Зашевелился, задергался, глазками моргает. И теперь уже в глазах этих полные ужас и безнадега. Понимает, что попытка провалилась. И не понимает, почему еще жив, ведь захоронка-то уже того, в моих руках. Ничего, это тебе сейчас будет объяснено во всех подробностях. Мне не деньги твои нужны, а жизнь. Но не только твоя, ой не только!

– Ну, привет тебе, Анохин Степан Порфирьевич, бывший сотрудник Петроградской Чека, – улыбнулся я привязанному к креслу чекисту. – Рад снова с тобой встретиться, после стольких-то лет. Ах да, ты же наверняка меня не помнишь. Оно понятно, почти чертова дюжина лет прошла. Но ничего, я напому. Петроград, конец февраля, тогда вы, помесь изуверов и спятивших садистов, еще только начинали раскочегаривать свою перемалывающую людей машину. Помнишь?

Нет, не помнит. Страх есть, но он вообще, а не привязан к конкретному событию. Похоже, в том самом феврале много чего было, вот и не может привязаться к конкретике. А чтобы страх, замутняющий сознание, малость отступил, сделаем вот что...

Приблизиться вплотную, и одним движением, схватив указательный палец правой руки чекиста, резко повернуть. Слабый хруст, напряжение всего тела и попытка вытолкнуть болезненный крик сквозь кляп. Получилось плохо, да почти никак не получилось. Но вот боль, она прочищает сознание, это мне еще отец говорил, земля ему пухом.

– Двадцать седьмое февраля. Квартира отставного чиновника МВД Российской империи, статского советника Арсения Михайловича фон Хемлока. Там вы, упыри, от души потешились. Нагрянули немалым числом, рассчитывая прежде всего застать известного вашей поганой чека человека, жандармского ротмистра. Но не застали. Дома были лишь его отец, жена да двое детей. Теперь вспоминаешь, выблядок «железного Феликса»?

– М-м! Ум-м!!

– Что вы там первым делом решили сделать? Обоих сучек, постарше и помладше, «на круг» пустить, да иметь, пока все не скажут или не умрут? И очень удивились, когда тот, кого вы считали стариком, пристрелил прямо через карман двоих наглухо, а еще одного подранил, – не знаю как, но мне удавалось сохранять абсолютно бесстрастный голос. – А потом что, отростки упали и больше не поднимались с перепугу, так? Старика застрелили, хотели исполнить желаемое, даже дружка своего толком не перевязав, а не вышло ничего! Застрелили женщину, двоих ее детей и, прихватив все ценное, что под руку попало, исчезли, как крысиная стайка?

– М-мо-а-а?!

Ну просто крик души... если она вообще есть в этом теле. Хотя души, они ведь очень разные, под стать носящим их людям. Что насчет нечленораздельного вопля, так тут и перевода никакого не надо. Товарищ бывший чекист интересоваться изволит, кто я такой, раз все это знаю. А ведь во многих знаниях многие печали, как ему должны были поведать на уроках в церковно-приходской школе. Больше он вряд ли где-нибудь учился, у «товарищей», как я знаю, не

принято отягощать себя лишними, да и вообще знаниями.

– Стрелять надо лучше и проверять результат попаданий, – цежу сквозь зубы. Ну а после снимаю с головы парик, под которым еле заметная щеточка волос и неровный шрам от выпущенной из нагана пули. – Вот именно, тварь. Внук, сын, брат... Проще говоря, Александр Борисович фон Хемлок к вашим услугам, сударь. И нам предстоит провести вместе несколько очень занимательных часов...

Чекист закатил глаза, что-то хрюкнул в кляп и обмяк, предварительно напрудив в штаны от избытка чувств. Проклятье! На мгновение я даже испугался, что его удар хватил. Но нет, дышит, просто сознание не выдержало и попросилось на отдых. Ничего, сейчас мы его обратно вернем.

* * *

Хрусть! Уже привычный звук сломанного пальца – проверенного средства взбодрения для отставных чекистов в лице отдельно взятого представителя. И вот замутненные страхом и болью глаза смотрят на меня. Неужто надеялся, что все это тебе приснилось? Нет, дружок, это не кошмар, а самая что ни на есть реальность.

– Знаешь, Степушка, я могу не только ломать пальцы, моя фантазия идет куда дальше. Например, я могу сделать так... – Взмах хорошо заточенным ножом отхватил у Анохина примерно треть уха. Подождав, пока отступит пелена боли, я продолжил: – Я могу рассчитывать на отсутствие криков или предварительно мне стоит тебе отрезать еще что-нибудь? Второе ухо, нос или яйца... Выбор велик.

Кивает, причем очень усердно. Похоже, предпочитает говорить, а не чувствовать, как от него отрезают кусочек за кусочком. Что ж, проверим. Выдергиваю изрядно пожеванный кляп, и... Попытка чекиста в отставке открыть рот оборвалась, едва он заметил движение ножа в сторону и так пострадавшего тела. Молчит, лишь постанывает и глазами лупает. Ждет, собака страшная!

– Думаю, Степа, ты не совсем умишком скорбен. Догадываешься, зачем я к тебе в гости зашел?

Кивает. Ишь, какой немногословный стал.

– Можешь и словами. Только тихо-тихо.

– Убить меня хочешь...

– И убью, – охотно соглашаюсь. – Этого тебе не избежать. Только ведь помереть по-разному можно. Поверь, до наступления утра я с легкостью превращу тебя в окровавленный, воющий от боли и мечтающий о смерти обрубок. Или... ты расскажешь мне все о тех, кто был тогда с тобой. Ну как тебе выбор, чекист?

– Я все расскажу, – обмяк в кресле Анохин. – В живых осталось только четверо.

– Вместе с тобой?

– Да.

– Тогда трое. Ты уже мертв, только пока еще разговариваешь. Дальше... Имена, места проживания, краткая характеристика на каждого из них.

Понеслось. Анохин, по своей службе в ЧК знающий, как из человека делают кусок мяса, не хотел для себя такой участи. Поэтому говорил много, в подробностях, да так, что я едва успевал записывать.

Всего в квартиру моей семьи ворвалось семь, кхм, существ, отдаленно напоминающих людей. Двое были застрелены дедом, один был убит во время гражданской войны. Ну а оставшиеся четверо до сегодняшнего дня были живы, здоровы и успешны в жизни. Причем моего сегодняшнего недобровольного информатора с уверенностью можно было назвать наименее удачливым. Из своей чеки он вылетел за бравый алкоголизм в двадцать третьем, но не с позором, а вполне себе с почетом. Перевели, так сказать, на другой фронт работ. И, само собой разумеется, связи остались. Совсем бывшие в этой среде бывают лишь в могилах, никак иначе.

Неудивительно, что этот уже не совсем действующий чекист знал многое о своих дружках. И об интересующей меня отнюдь несвятой троице тоже. Как оказалось, все трое прочно осели в Москве и убывать оттуда отнюдь не

собирались. Более того, поддерживали друг с другом крепкие связи, в свою очередь являясь креатурами более высокого начальства.

Первый, Лабирский Казимир Стефанович, таскает в петлицах по одной «шпале». То есть звание в рамках ОГПУ – начальник горотдела, очень даже немалое по их меркам. Второй в том же звании, а зовут Мелинсоном Яковом Изральевичем. Третий – его старший братец по имени Семен – добравшийся аж до двух шпал. Аж целый начальник следственной части. Но не в том суть. Все трое состояли в Оперативном отделе ОГПУ, во главе которого стояла личность весьма гнуснопрославленная – Карл Викторович Паукер, совмещающий эту должность с руководством охраны лично «товарища» Сталина.

В общем, на серьезную высоту забрались все трое. На очень серьезную. Таких с наскоку не взять, как вот этого вот Анохина. Думать надо будет долго и усердно, ведь права на ошибку мне никто не предоставит. Хотя сведения для начального рывка у меня есть: место проживания, привычки, основные черты характера. Анохин тщательно и с удовольствием сдавал своих дружков. Причина проста – если самому помирать, то пусть им еще хуже будет, если получится, конечно. Нормальное поведение для таких вот... существ.

И все же, как бы мне к ним понадежнее подобраться-то, а? Неужто использовать «принцип Брута», который, желая уничтожить Цезаря, стремился подобраться поближе? Логично, не спорю, но кто ж меня в это самое ОГПУ возьмет... Смешно, право слово.

Стой, Александр, если в голову пришла мысль, то не стоит отбрасывать ее в сторону, как следует не обдумав. Мой отец это не раз говорил, пытаюсь вложить в мою еще детскую голову побольше важного и полезного. Нет ведь для мира Александра фон Хемлока, он призрак, для других погибший давным-давно. Зато есть... Да кто угодно, главное, чтобы документ был хороший, правильный, задаче соответствующий, да живых-здоровых родственников у обладателя имени-фамилии не было. Тогда остается задать Анохину последний, пожалуй, вопрос.

– А кого сейчас ОГПУ в свои недружные ряды берет?

Вопрос явно оказался для отставного чекиста неожиданным. Но отвечать было надо, вот он и проямлил:

– Ну, это... из рабочего класса. Иногда тех, кто в милиции поработал. Еще сейчас коллективизация идет, так привлекаются активисты как из комсомольцев, так и вообще. В общем, проявивших себя в борьбе с кулаками берут. А тебе это зачем?

– Хм, любопытный труп мне попался.

С этими словами я вновь вернул кляп на место и, не мудрствуя лукаво, «наградил» теперь уже и впрямь бывшего чекиста парочкой ударов ножа в низ живота. Помрет относительно быстро, но помучается неслабо. Как говорится, по мощам и елей. Такие вот уроды в крови обычных людей, ни в чем не виновных, вымазались по макушку. Женщины, дети, старики – им было без разницы, кого убивать. А с удовольствием, порой еще и затейливо, они убивали тех, кто принадлежал в прослойке повыше, чем люмпен-пролетариат. И чем выше было положение людей в ныне утраченной империи, тем сильнее распалась их жестокость. Классическая ненависть грязи ко всем, кто выше ее. Так было во время Французской революции, так и во время той, которая обрушилась на Россию.

Ну а вот этот... Для него пришла пора платить по давно просроченному векселю, только и всего. Проценты выросли – слов нет. Даже немного жаль, что так легко отделался... отделяется. Но я обещал, что убью быстро. Обещания же, данные дворянином, надо держать.

Сдох наконец. Теперь пусть тебя бесы на сковородках поджаривают или пусть ты медленно и безвозвратно растворишься в неведомом Ничто, как считают насчет таких некоторые мистики и оккультисты. В любом случае этот мир ты больше не паскудишь. Вообще.

Мне же пора. Деньги твои кровавые я взял, мне они нужнее. Не оставлять же подобным тебе шакалам, равно как и не баловать эту пародию на государство, СССР именуемое. Обойдется.

Минус один. Осталось трое. И пусть вы сидите в креслах повыше, пусть до вас куда сложнее добраться. Все равно доберусь. Поверьте, от ожившего мертвеца очень сложно спрятаться. Убить же мертвеца... Убивают живых, а как убить того, кто уже умер много лет назад?

Глава 1

...Выродок, нравственный идиот от рождения. Он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек... И все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорит, благодетель он человечества или нет?

И. А. Бунин, великий русский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе в 1933 году, слова о Ленине

Истинно русский человек, великоросс-шовинист, в сущности, подлец и насильник.

В. И. Ленин. К вопросу о национальностях или «автономизации», 1922 г.

Вокзалы, переезды из города в город. Подобное... утомляет. Особенно тогда, когда постоянно либо в поезде, либо толчешься на вокзалах и поблизости от них. Не просто так, естественно, а выискивая нужную себе кандидатуру. А найти было сложно.

Слишком уж большие были требования. Это в «паспортных книжках» не было фотографий, лишь особые приметы вместо оных, но подобный вариант мне подходил не слишком. Обычный человек – что с него толку в моей ситуации? Нет, требовался зарекомендовавший себя перед партией, то есть тот, кто уже стал ее частью. Ага, с партбилетом. А в нем, как всем известно, фотокарточка присутствовала. То есть должно быть внешнее сходство, направление человека в Москву, и... Да, то самое «и», которое делало и так нелегкую задачу еще более сложной.

Я не питал никаких иллюзий насчет того, что будет с тем человеком, место которого предстоит занять. Он исчезнет. С концами, то есть так, чтобы тело если бы и нашли, то уж точно не опознали. Следовательно, моим «воплощением» должен будет стать тот, кого ну совсем не жалко. Из числа сплоченных рядов пролетариата, а к тому же вызывающий у нормального, имеющего честь и принципы, человека глубокое отвращение.

Шли недели, миновал месяц и вот... Фортуна мне наконец улыбнулась! Попавшийся на вокзале в Саратове паренек был не только похож на меня и имел

самый настоящий партбилет, но еще и его, кхм, моральный облик заставил сделать стойку почище охотничьего пса, завидевшего дичь.

Привокзальные буфеты – отличное место для того, чтобы узнать о человеке довольно много. Вначале я думал, что придется завязывать знакомство «на ходу», импровизировать, чтобы затащить парня в тот самый буфет на предмет выпить водочки за все хорошее. Ан нет, повезло и тут. Он сам туда направился. Как оказалось, скоротать время в ожидании поезда на Москву. И насчет водочки был вовсе не против.

Только, как всем известно, пить одному – это что в России, что в СССР редко когда было. Разве что с большого горя. Но здесь и сейчас никакого горя у парня не замечалось. Напротив, был весел, радостен, воодушевлен. И, само собой, спешил поделиться радостью со всем миром, а уж со случайными собутыльниками точно. Мне только и оставалось, что до поры до времени слушать и запоминать.

– Из Иркутска я. Вот, в Москву еду, – хвалился своему случайному собутыльнику выбранный мной как перспективный вариант парень. – Дома себя показал, там тоже покажу! И вообще, меня в партию приняли!

– Ишь ты, – частично искренне, как и полагается пьющему за чужой счет, восхитился мужичок лет тридцати с лишним, весь из себя потрепанный, но с располагающим к себе лицом. – Тогда выпьем за тебя, Леша, и нашу партию рабочих и крестьян.

– Выпьем, Коля. А еще за то, чтобы всех этих кулаков, контру и врагов трудового крестьянства, поскорее покарали и расселили в места, куда Макар телят не гонял. Пусть там пытаются на бедняках наживаться, вот!

– И за это выпьем...

А как же иначе. Любящие выпить и не желающие платить будут пить хоть за проводимую коллективизацию, хоть за здоровье любого партийного работника, да хоть за многие лета для во-он той рыжей шавки. Они привычные. Главное, чтобы в словах собутыльника ничего крамольного относительно советской власти не прозвучало. Вот в этих случаях они моментально трезвеют и исчезают. И это, попрошу заметить, в самом лучшем случае. В худшем – быстренько

поставят в известность кого надо, чтобы у самих потом проблем не возникло.

Но этот мужичок... Алекс, ты болван! Тут не желание выпить на дармовщинку, а совсем иное. Напоить до определенной стадии, а потом аккуратненько так под видом помощи, к примеру, дойти до уборной, вывернуть карманы и пошарить в вещах.

Выходит, у меня появился конкурент. Нехорошо, хотя ничего опасного. Более того, пусть сделает первую часть работы, то есть воьет в этого лопуха раскидистого побольше водочки, а я вмешаюсь, когда надо будет. Покамест просто посижу поблизости, послушаю, притворяясь, что всецело увлечен кружкой скверного пива и немудреной закуской.

Алексея же явно распирало от желания рассказать о своих недавних достижениях на ниве принудительной коллективизации и особенно раскулачивания. Да уж, было бы чем гордиться, но в Стране Советов все идет не через голову, а через совсем иные места.

Участие в раскулачивании, оказывается, было для сего паренька, закончившего три курса юридического факультета Восточно-Сибирского университета, находящегося в Иркутске, удачно представившейся и очень почетной возможностью. Так сказать, шанс самолично поучаствовать в очередном «крестовом походе» против вновь образовавшихся врагов советской власти. Правда, враждебность их заключалась лишь в том, что они не хотели отдавать колхозам все свое имущество и погружаться в бездонные пучины бедности и убожества, но когда это «товарищей» волновали чьи-то там желания, идущие вразрез с идеями всяких там интернационалов и мировых революций!

Так, немедленно пива глотнуть, а то во рту появилось ощущение, что там стая жучек нагадила. Противно такое слушать, очень противно. Фанатичная уверенность в собственной правоте, заключающейся в том, чтобы растаптывать все то и всех тех, кто поднимается выше установленной сверху планки. И нет ему разницы, что некоторое время назад, при объявлении НЭПа – планки были совсем другие. Равно как и идеологические установки. Партия приказала – члены, кандидаты, комсомольцы и прочие разделяющие идею ответили и понеслись выполнять, снося все на своем пути. А думать? Помилуй бог (или у них Ленин?) – этого не требуется, думать вне отведенных пределов нам не положено.

Равно как не положено испытывать ни жалости, ни даже тени сочувствия к порушенным судьбам своего же народа. Хотя... Для вот таких вот принадлежность к русскому народу не значит ровным счетом ничего. Интернационализм, однако. А то, что не зная и не ценя свою историю, свои корни, люди становятся травой на ветру, с которой можно делать что угодно и лепить что угодно... Слепые, гордящиеся своим увечьем. Увечьем, тщательно культивируемым сверху, с самого начала этой кровавой революционной вакханалии.

Ничего, Алекс, привыкай слушать подобные речи спокойно, не реагируя не то что внешне, даже внутренне. Это тебе сильно пригодится, если хочешь довести задуманное до конца. Туда, куда ты собираешься, такие все или почти все. В скором времени они станут твоим окружением, с ними придется разговаривать, выпивать, изображать общность интересов.

И улыбаться... Даже слушая, как выгоняли на мороз, а потом на сборный пункт для «недобровольных переселенцев» раскулаченные семьи. Те семьи, которые хотели просто тихо и спокойно жить и очень не хотели отдавать нажитое имущество: зерно для посевов, немалое количество коров и лошадей, прочее добро. Улыбайся, слушая, с какой радостной физиономией этот добровольный помощник чекистов рассказывает, как лихо они справились с отцом и тремя сыновьями, решившими спалить к чертовой бабушке изъятое имущество. Последнего, кстати, добивали прикладами прямо на глазах женской части семьи. Да, ничего не меняется с семнадцатого года! Только тогда это было вообще естественно, а сейчас участников самую малость пожурили. Сказали, что надо было сначала в тюрьму, а там уж советский суд разобрался бы. С непременным расстрелом, ага! Зато по закону и с должным количеством бумаг.

Нет, Леша-Алексей, ты хоть и типичный представитель нового советского человека, но после всего услышанного никаких чувств, помимо омерзения, я по отношению к тебе не испытываю. Значит...

Пожалуй, можно и вмешаться. Объект моего интереса уже пьян как фортепьян, того и гляди его обчищать начнут. Встаю и неспешно подхожу к пьюще-беседующей парочке, обращаясь к представителю уголовного мира:

– Николай, с тобой поговорить бы надо.

– Надо так надо, мил человек, – укол меня неожиданно пронизательным взглядом, ответил тот. – Здесь или?..

– Чуть отойдем.

Ну, разве что самую малость. Терять из вида Алексея я не собирался, он, в общем, тоже. Поэтому достаточным оказалось удалиться на десяток метров, оказавшись рядом с потертой стеной, на которой некоторые посетители явно упражнялись в «наскальной живописи», украшая оную похабными надписями и примитивными рисунками не менее убогого содержания.

Николай наверняка думал, что сейчас последует разговор, но очень удивился, почувствовав, как ему в бок уперлось дуло маленького такого, но вполне себе смертоносного «браунинга». От неожиданности он сначала дернулся, но взял себя в руки и еле слышно прошипел:

– Люди вокруг, не выстрелишь. И объявись, резкий! Ты ж не легавый и не из чеки будешь.

– Так шумно вокруг, а шпалер к тебе прижат вплотную. Хлопок слабый выйдет, его не услышат толком. Но к чему мне тебя убивать-то?

– А...

– Бэ. Не к тому фраерку ты прилепился, шпана корявая. Я его прибытия из Иркутска уже два дня ждал, а тут ты объявился. Что, лопатник да шмотки умыкнуть – вот и весь хабар, да?

– Ну так... Не первый раз.

– Мелко работаешь. Хотя откуда тебе знать.

На лице малозначимого винтика местной криминальной братии изобразилась усиленная работа мысли.

– Я тя не знаю. Залетный?

– Вроде как. Если захочешь, можешь в Ленинграде у Севы Резаного поинтересоваться. А большего тебе и знать не надо. Пока что. А от этого – отскочи. Вот тебе, за потраченное время.

Несколько купюр, которые я сунул Николаю в карман, были не так чтобы большой суммой, но действительно компенсировали потраченное на интересного мне человека время. И претензий возникнуть не должно было.

Казалось бы, какое мне дело до одного отдельно взятого завсегда тюрем? Ровным счетом никакого, но не хочется создавать излишние проблемы на пустом месте. Вот сейчас, получив небольшую по моим меркам сумму, Николай криво ухмыльнулся и испарился, растворился в толпе, давая мне возможность делать то, что захочу. Не получи ее, мог бы и навредить. Конечно, труп всегда становится мирным и спокойным, но убивать здесь, посреди толпы... Можно, конечно, но рискованно и хлопотно. Лучше уж так. А выяснять насчет меня он не станет. Ему хватило упоминания интересов известного «законника», Севы Резаного. Вот и все на этом, пора заняться тем, что я и планировал.

Когда я вернулся к Алексею, тот выглядел изумленным. И первый вопрос был очевиден:

– Ты это, кто такой? И где Коля?

– Ушел Коля, – хмыкнул я, подсаживаясь к озадаченному студенту. – И, на твоё счастье, больше не вернется. Ведь если бы он вернулся, ты бы поутру проснулся с больной головой, без денег, вещей и, возможно, даже без партбилета, который тебе партия вручила.

Ой как быстро может трезветь человек! Аж душа радуется. Немного, но радуется. Тем более что протрезвление это лишь временное. Скоро его опять накроет. А если и нет, то я постараюсь, чтоб накрыло. Есть на то разные способы.

Испугался Алексей, сильно и до глубины того, что у него на месте души. Ведь утеря партбилета – это зачастую конец всем мечтаниям о дальнейшем партийном и вообще карьерном росте. Не сохранил доверенное партией? К ногтю тебя, как гниду, да чтоб хрустнул под действием мощной воли трудового народа! Слишком большой это страх для всех партийных, особенно для только-

только вступивших.

Сильно напуганные более доверчивы – это еще с давних времен замечено и используется. И в жандармском корпусе тоже использовалось, умело и часто. Эх, отец, как многому ты меня научил... и сколько осталось неузнанным. Но все данные тобой уроки пригождались раньше и не раз еще пригодятся. Вот как сейчас. Достаточно было чуток рассказать о методах вокзальных «воров на доверии», о множестве пострадавших от их «милых забав».

Проникся благодарностью. Правда, сразу же после одной начал меня расспрашивать о том, кто я вообще такой и откуда все это знаю. Вот она, подозрительность советского человека к возможным классовым врагам. Уверен, скажи я нечто, входящее в противоречие с его идеологическими установками – заорет за весь вокзал, милицию призывая. С какой целью? А чтобы нехорошего меня обвинить... да хотя бы в связи с тем воришкой, которого я от него же и отвадил. Знаю я ваши повадки, гиены краспопузые. Не дождетесь.

Поэтому я назвался студентом-историком из Ленинграда, приехавшим в гости к родичам, а сейчас вот появившимся на вокзале купить билет на послезавтрашний день. Несколько слов о том, что изучаю, о правильности и единственной верности коммунистического пути. Плюс сдобрить все это цитатами Ленина и самого Маркса... Готово, меня вмиг причислили к своим и принялись было заново рассказывать про себя то, что я и так уже слышал.

Нет уж, слушать второй раз те же самые истории меня ну совершенно не прельщает. Лучше чуток свернуть разговор в иную, куда более интересную сторону. К примеру, насчет того, что славный парень из далекого и заснеженного Иркутска собирается делать в Москве? Приятно, что скрывать это от меня не стали, заявив честно, но несколько путано:

– Университет-то, где я учусь, расформировывают. Не навсегда. Обещали в следующем году вновь открыть. А я не хочу целый год терять. Вот и в Москву... В столицу!

– Москва большая, людей в ней много, а места не очень, – слегка провоцируя собеседника, заметил я. – Не будешь же ты целый год бить баклуши. Юному коммунисту такое не к лицу.

– И не буду эти... баклуши, ни бить, ни колотить! – с экспрессией сильно выпившего человека возмутился Алексей. – У меня эта, контузия, по голове ударили сильно. На излечении сейчас. Даже бумага есть, с направлением в больницу. Ну ту самую, московскую. Щас покажу...

– Это лишнее. Я и так верю. Значит, лечиться едешь.

– Ты не п-понимашь! Некогда мне с контуз-зией возиться. Она уже... Да нет ее. Ударили по голове и ударили, прошло все, вот! Я в ОГПУ хочу, врагов трудового народа давить!

– Достойное верного ленинца занятие, – согласился я, ничуть при этом не лукавя. – Но что же ты, вот так придешь к главному зданию и крикнешь, что готов служить народу на этом нелегком поприще? Может, и поверят, хотя работа у них не для излишне доверчивых, но ведь не возьмут. Нужны те, кто за тебя поручится.

– А есть такие, – легко повелся Алексей. – Когда мы эту контру новую, кулаков то бишь, раскулачивали, на меня сам Марк Захарович Стоцман внимание обратил. Челове-ек! В Чека еще в Гражданскую состоял, колчаковцев лично расстреливал, а п-потом и всяких недобитков. Лично меня выделил и даже папиросницу подарил. Вот, смотри, ишь какая, с надписью!

Посмотрим, что за папиросница. Хм, неплохая. Серебряная, украшенная кусочком янтаря в центре. А вот на обратной стороне – гравировка, весьма варварским образом нанесенная и нарушившая элегантный когда-то аксессуар. И гласила она: «Фомину А. Г. за пламенную борьбу с кулацким элементом от иркутского ОГПУ». Серьезная надпись. Не от конкретного чекиста, а от всего, кхм, их городского сорища. Или все так, ради красного словца? Хотя сомневаюсь, этот народ не любит себя под удар подставлять.

– А Гэ – это Алексей Гаврилович. Так меня, значит, зовут. А кроме подарка, еще и статья в газете была, она у меня в вещах, долго искать придется. Выпьем!

– За то, чтобы твои заслуги перед советской властью и дальше достойно оценивали, – предложил я тост и понял, что он аккурат к месту пришелся.

– Потому и еду в Москву, – несколько сдавленно произнес Фомин, поскольку водка прошла так себе. Да и соленый огурчик помог не так чтобы очень. – Там и просто с таким запасом не должно быть сложно стать тем, кем хочу, а еще и...

– Есть и «еще»?

– Есть. Марк Зах-хар-рвич подсказал, кого лучше найти и от него пламенный революционный привет передать. Руцис Аркадий Янвич его зовут, Голова-а! В иностранном отделе раб-ботает...

Шмяк! Мда, нет молодца сильнее винца. Голова Фомина рухнула на едва-едва подставленные им руки, а спустя пару секунд раздался могучий храп. Уморился, болезный, в неравной битве с зеленым змием. Нормальный, здоровый алкогольный сон. В общем, я как-то и не против такого вот исхода событий. Не придется лекарства переводить, в водяру их подсыпая. Думаю, на пару часов он и так ушел из мира реального в мир снов или там кошмаров, мне оно как-то без разницы.

Остается лишь отволочь пьяное до изумления тело до извозчика или авто, после чего отвезти его на окраину города. Везде, в том числе и в Саратове, есть такие места, где можно чувствовать себя довольно вольготно в плане выбивания сведений, если только местной шпаны не боишься. А милиция... При чем тут милиция? Она в этих местах появляется не так чтобы сразу. Да и вызывать оную местные жители не так чтобы сильно любят.

Попробовав самостоятельно отволочь пьяное тело, я почти сразу понял, что это будет... тяжело. Вес самого Фомина, плюс его багаж, да еще мой – совсем тяжко. А вокруг есть достаточное количество запойного вида пролетариата, готового помочь, если только не за «спасибо».

Нормально получилось. Всего лишь за пару рублей двое полупьяных типов дотащили до извозчика и самого Фомина, и его вещи. Да еще сильно благодарили за представившуюся возможность. Потом оставалось лишь назвать примерный адрес и ждать, пока водитель кобылы довезет до нужного места. Глухого такого, дикого. Право слово, выгляди я чуть менее прилично, он бы мог и не согласиться везти по столь необычному пути. А так ничего, прошло, хотя, конечно, дополнительную плату он получил. Вместе с необязательным, но все же пояснением:

– Вот, с братом приехали... Родичи когда-то здесь жили поблизости. Дома самого уж давно нет, одни развалины. А ему вожжа под хвост попала... давай хоть ненадолго, а заедем, посидим на том месте, где они когда-то жили. Дядька с тетей. Легче согласиться, нежели спорить.

Извозчик сочувственно посмотрел на меня, укоризненно на бесчувственное от алкоголя тело. Потом перевел взгляд на приближающиеся развалины разрушенных еще в гражданскую войну домов и вздохнул:

– Дикое место, плохое. Опасно тут оставаться, особенно на ночь гляючи.

– Да кого мне бояться-то? Местных воришек? Так я при оружии, – показываю неожиданно душевному человеку «парабеллум», а затем милицейское удостоверение. Настоящее, за исключением фотографии, конечно. – Братец мой тоже не гражданский, хоть сейчас только храпеть во сне может.

– Тогда другое дело, гражданин начальник.

Заметно успокоившийся, он уже без излишних нервов довез до указанного мной места. После и вовсе помог выгрузить Алексея и даже устроить того поудобнее, подложив тому под голову его же собственный саквояж. Пожелал всего хорошего и, подхлестнув кобылу, удалился восвояси.

Хороший человек. Прост, как три копейки, но без гнили внутри. Жаль только, что жизни таким как не было, так и не будет на просторах моей искалеченной до неузнаваемости Родины. Более десятка лет уже она изуродована. Когда это закончится? Сомневаюсь, что даже высшие силы то ведают. Эх, уйди, печаль, сейчас ты совсем не к месту нагрязнула. Сегодня у меня...

А что у меня сегодня? Праздником я случившееся точно не назову. Не тот случай. Да и не помню я в своей жизни того дня, который можно было бы назвать праздником аж с того времени, когда все вокруг рухнуло и разбилось на мириады осколков. Нет, не праздник точно. Просто очередной шаг к цели – небольшой, но важный, без которого все было бы куда труднее.

Слегка улыбаясь приходящим в голову мыслям, я оттащил Фомина в более укромное место, под прикрытие полуразвалившихся стен когда-то добротного дома. Следом притащил и всю его хурду. Теперь осталось связать руки-ноги,

озадачить кляпом и... Нет, будить пока не стану, лучше как следует пороюсь в вещах, разделяя их на нужные и хлам.

Приступим. Носильные вещи: рубахи, белье, явно парадные брюки с пиджаком и все такое прочее. Это мне не требуется. С десятков фотографий, где изображен, как я понял, он в детстве и юности. В детстве в кругу семьи, потом... Детдом, понятно. Значит, и искать, по большому счету никто не станет. Но фотографии оставляю без малейшего сомнения. То же самое можно сказать насчет всех документов, папиросницы и трех газетных вырезок, на которых в той или иной степени описывались «подвиги» верного ленинца Фомина. В некотором смысле тоже документы, где-то даже поважнее прочих. Своего рода, кхм, рекомендации для поступления в ОГПУ.

Письмо, одно-единственное. Так, а что в нем вообще находится? Запечатано, однако. Зато можно прочитать, кому адресовано – Аркадию Руцису. Не удивлюсь, если от Стоцмана Марка Захаровича, иркутского чекиста, а речь в нем идет о рекомендации Алексея Фомина к нелегкой службе, где и без него садист на уроде и психопатом погоняет.

Вскрыть сейчас? Не стоит, вдруг аккуратно не получится. Лучше уж потом, в более комфортной обстановке и с необходимыми инструментами в лице парящего чайника и тонкого лезвия. Тогда и вскрою, и прочитаю, и, что особо важно, следов не оставлю. Право слово, я же не представитель широких народных масс, чтобы вручать чекисту письмо, касающееся моей будущей маски, с неизвестным содержанием.

А вот денег мало. Не шикают нынешние студенты, отмеченные идеалами революции, совсем не шикают. Впрочем, это сейчас относится почти ко всем, помимо партийных чинов, после сворачивания НЭПа. Да и во время него на вершину финансового достатка выплывала всякая откровенная накипь, которую во времена империи и на порог порядочного дома не пустили бы. Нэпманы... Та еще зараза, готовая ради увеличения капитала на любую подлость и низость. Впрочем, теперь и их нет. Кто подогадливей – сбежал за границу, благо года до двадцать восьмого выехать за пределы СССР было хоть и нелегко, но все же возможно.

Возможно было сбежать... Поневоле я криво усмехнулся, словно рассматривая со всех сторон это сочетание слов и его применимость в данном случае. Это была своего рода русская рулетка. Могли выпустить, могли и нет. И если нет, то с

людьми могло случиться все что угодно. К примеру, могли посадить по неожиданному обвинению, припаять ту или иную причастность к Белой Гвардии, если она была хоть краем. Или люди просто исчезали. Ясно было, что от мистики эти исчезновения были далеки. Просто застенки ОГПУ, а потом безымянные могилы, которых с семнадцатого года в моей многострадальной стране слишком много появилось.

Впрочем, немалая часть смогла уехать. Та часть, которая умела видеть дальше собственного носа и понимала, что НЭП – лишь временное явление, глубоко чуждое Стране Советов и «товарищам» разного рода. Пауза перед новыми свершениями, не более того. И с началом коллективизации и прочего раскулачивания это ярко и однозначно подтвердилось. Вот только с того самого времени граница была на прочном и надежном замке. Все, финита ля комедия! Пауза закончилась, продолжение коммунистического спектакля объявляется открытым. К тому же...

О, очухался! А далее все знакомо и предсказуемо: попытки вырваться, протестующие звуки, непонимание и страх в глазах. Скучно, неприятно... но необходимо. Я ж не чекист какой-нибудь, чтобы мне нравились боль, кровь, смерть. Нет, это всего лишь необходимость, воздаяние, «эффект бумеранга». Или, как говорит одна книга, которую я хоть и читал, но остался равнодушен: «Какой мерой мерите, такой и отмерится вам». Эти «товарищи» льют кровь не причастных, невинных, вот она и отзывается. Что до меня, я лишь призрак. Живой мертвец, меня и нет по большому-то счету. Забавно все-таки получается...

Привычная уже работа. Внушаю пленнику, что орать бесполезно, а лучше всего исполнять мои приказы и надеяться на лучшее. Надежда ведь, как известно, умирает последней. Впрочем, эту народную мудрость я вслух не произносил. Нечего ввергать юного коммуниста в бездну отчаяния, он мне в ближайшие часы нужен разговорчивым, жизнь выторговывающим.

Сделано. Молчащий, хоть и стучащий зубами от страха Алексей готов к сотрудничеству, ожидает моих вопросов и готов дать ответы. Я это знаю, он это знает, вот только... Противно. Но надо, Алекс, надо.

Вопросы. Десятки и сотни вопросов, ставящих перед собой единственную задачу – выпотрошить жизнь Алексея Фомина до мелочей. И, не рассчитывая исключительно на память, переносить все полученные сведения на бумагу.

Потом все это предстоит выучить наизусть, да так, чтобы и спросонья не запомнить. Детство, отрочество, учеба в университете, яркие события в жизни. Знакомые, дальняя родня, которой, к счастью, почти не было, и с коей моя будущая маска отношения не поддерживала. Привычки, любимая марка папирос, еда, напитки, прочие мелочи. Сотни и сотни мелочей, на которые сразу же давались ответы. Парочка же пауз каралась болезненными, но безвредными, по большому счету прижиганиями раскаленным в пламени костерка острием ножа.

Уф-ф, совсем устал, сил моих уже маловато осталось. Впрочем, необходимое, хоть и не до конца, я узнал. По-хорошему надо было бы залечь где-нибудь в надежном месте, да на несколько дней, да поработать с пленным куда более основательно... Мечты!

– Знаешь, Алексей Гаврилович Фомин, чего мне больше всего не хватает в жизни аж с двадцатого года? Не отвечай, ты все равно не знаешь. Возможности поговорить. Банально не с кем. Разговаривать же с самим собой – не самое полезное занятие. И я не имею в виду разговоры ни о чем со случайными попутчиками и знакомыми. Я про разговоры по душам, где можно не скрывать свое «я», не лукавить, не носить подходящую к случаю маску. Забавно и очень иронично, – я помедлил, глядя на уже не вечернее, а по-настоящему ночное небо. Безлунное, но с тучами, мешающими видеть завораживающую порой россыпь звезд. – Истинный «я», Александр фон Хемлок, вынужден разговаривать очень редко и с теми, с кем благородному человеку в одном помещении находиться не подобает без веской необходимости.

– Фон Хемлок...

– Запоминаешь? – беззлобно хмыкнул я. – Да на здоровье. Все равно это имя – лишь эхо давно минувшего. Мне всего двадцать один год, но я успел сменить немало имен. Вместе с тем первый раз я собираюсь действительно влезть в шкуру другого человека. Использовать не простую, а до мелочей проработанную маску. Твою маску, Алексей Фомин. И будь уверен, жизнь Алексея Гавриловича Фомина будет яркой, насыщенной и посвященной достойной цели. Хотя тебя как разумное существо это от адских мук (или чего там таким, как ты, в ином мире за пакости в этом полагается), точно не избавит. Ты вообще верующий?

– Нет... – прошептал пленник. – Бог – это выдумка попов. Опиум для трудового народа. Отпусти меня, я никому, мамой клянусь!

– Как же предсказуемо. Парень, ты уже вымазался в крови и дерьме, это не отмывается. Жест Понтия Пилата, умывающего руки, тебе не поможет. Он просто отстранился от того, что считал неправильным, переложив кровь и грязь на других. А ты... Ты лично уничтожал жизни в переносном, а порой и в прямом смысле. Кулаки – а на деле простые люди, желающие жить нормально, а не в бедности. А ты уничтожал это и светился от радости. Твои же слова, я их помню. В них не было лжи, они шли от сердца. Прогнившего сердца, изуродованного. Но я не мастер в делах человеческих душ, мне нет особого дела до первопричин. Я лишь знаю, что есть такое зло, которое не должно существовать.

Попытка закричать была прервана легким ударом по горлу. Крик сменился хрипом, да и длился он всего ничего. Что ж, кляп возвращается на привычное место. И вообще, пора заканчивать.

– Ты уж прости, что заставляю выслушивать все это, – без тени иронии извинился я перед без нескольких минут трупом. – Как я уже говорил, мне просто не с кем побеседовать по душам. Ведь люди редко когда умеют хранить тайны, а понятие чести в том, во что вы превратили Россию, практически утрачено. Доносы, поклепы, стремление угодить начальству стали основой для многих советских граждан. Печально. Зато мертвецы не болтливы, а с живыми своими мыслями точно не поделаются.

Вроде хотел сказать что-то еще? Ах да! Благодарю за предоставленную жизнь. Она мне пригодится. А теперь прощай, Алексей Фомин. Теперь я – это ты. Ну а ты займешь место мертвеца. Удачной тебе дороги хоть в ад, хоть в великое ничто.

Аккурат с последним словом я вонзил нож точно в сердце того, кто раньше был Алексеем Гавриловичем Фоминым. Живые глаза... Мертвые глаза. Один миг – этого достаточно, чтобы из глаз исчезло «отражение души», чтобы живое стало мертвым, инертной массой, которую никто не назовет человеком. Мне же оставалось лишь скрыть тело.

Скрыть... Если подходить к этому делу со всей основательностью – концы лучше прятать в воду. Водоем, веревки с грузом, вспороть живот, чтобы покойник не всплыл по весне или еще раньше. И все, рыбы и раки сделают остальное. Они никогда от столь обильного пиршества не отказываются. Увы и ах, но водоемов поблизости не было. А тащить тело до неблизких... Да упаси боже, я же не Иван Поддубный, чтоб такие тяжести на дальние расстояния перетаскивать. К тому

же собственного авто не имею, не в моем нынешнем положении на такое замахиваться!

Нет воды, но есть земля. Вот там тело и упокоится. Правда, без официальной могилы и креста, ну так партийные нынче почти поголовно атеисты. Все, Алекс, хватит сам с собой разговаривать, работать пора. Побудешь немного землекопом-могильщиком. Ну а потом сменишь профессию. Надеюсь, что на чекиста. Ирония судьбы!

Глава 2

Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!

П. А. Столыпин, премьер-министр и министр внутренних дел Российской империи о революционерах

Без ВЧК и других подобных карательных репрессивных органов советская власть существовать не может.

В. И. Ленин

Москва... столица нашей Родины. Как по мне, так до Северной Пальмиры, она же Санкт-Петербург – язык не поворачивается в мыслях называть этот великий город, построенный великим человеком, Ленинградом – нынешней столице очень далеко. Размах не тот, с красотой проблемы. Хотя ну где нынешняя власть и где чувство прекрасного? Слабо они сочетаются, а если точнее, то совсем никак. Да и давит на них атмосфера изысканности и утонченности града на Неве. Неуютно им там, Москва куда как ближе.

И все равно – Москва тоже город со своей славной историей, особенностями, достопримечательностями. Жаль только, что многих уже не увидеть или увидеть все-таки можно, но не такими, как раньше. Исчезли многие памятники, не нравящиеся советской власти. Да-а, мало им бороться с живыми людьми, так они еще и с памятью о них сражаются. С животной ненавистью разгоряченные толпы сбрасывали с гранитных постаментов тех, кто приносил России величие и

славу. И ставили на их место новые – порой нелепые и уродливые до полного идиотизма. Чего стоят памятники, выполненные из досок? Ничего, но их ставили. Роскошный гранитный постамент от прежнего памятника и нечто несуразное на нем. Интересно, а сами «творцы» и инициаторы понимали, как глупо это выглядит со стороны? Вряд ли. Ведь если боги хотят кого-то наказать, сначала лишают разума.

Печально. Исчезли многие памятники, что же до дворцов, роскошных особняков и поместий – в лучшем случае осталась только внешняя красота, да и та несколько потускневшая. Внутри же царил полный бедлам. Частью растащили, частью уничтожили, подчиняясь первобытным, примитивным инстинктам. Это даже не «геростраты», это куда хуже.

Хорошо еще, что в пределах Москвы все было не столь грустно. Как ни крути, а столица, пусть и Страны Советов. Главные коммунисты даже своим странным разумом понимали, что негоже превращать столицу государства в откровенную помойку. Да и во время НЭПа кое-что восстановилось. Не полностью, конечно, и даже не наполовину, но все же. Вновь открылись несколько неплохих ресторанов, гостиниц, заново заработали музеи. Но в сравнении с былым величием это смотрелось... жалко. Разумеется, сам я об этом судить не мог, но вот слушая обрывки разговоров тех, кто мог, несложно было сделать четкие выводы.

Ну, здравствуй, Москва! Ни разу я здесь не был, а вот теперь приехал. И, что интересно, надолго. Много у меня дел в этом древнем городе, заложенном самим князем Долгоруким.

Конечно, лучше было бы отложить свой приезд сюда, выгадать время для тщательного заучивания всех деталей о жизни моей новой маски. Увы, это не представлялось возможным. Не дай бог всплывет, что выехавший из Иркутска Алексей Фомин, с его явными намерениями оказаться в Москве и поступить в ОГПУ, вдруг неожиданным образом загулял на просторах страны. Или приехал, но затаился, как мышь под метлой.

Ни в коем случае. Я буду вести себя именно так, как повел бы себя тот Алексей Фомин – парень двадцати трех лет от роду, с недавних пор член партии, отмеченный статьями в газетах и именным подарком от тамошнего ОГПУ. Тот парень, который стремится стать чекистом и готов многое сделать для достижения своей мечты. Значит, прибыв в столицу, он поспешит связаться с

тем, о ком говорил его иркутский знакомец-чекист. Благо и письмо-рекомендация есть.

Кстати о письме. Естественно, я его вскрыл. Аккуратно так, не оставляя следов. И внимательнейшим образом изучил написанное. Хотя ничего необычного в тексте не обнаружилось. Это и впрямь была рекомендация Аркадию Руцису присмотреться к юному пареньку, уже неплохо проявившему себя как добровольный помощник во время раскулачивания и вообще в борьбе с антисоветским элементом. А еще там была краткая характеристика рекомендуемого сотрудника. Ну-ну, посмотрим.

Итак, что имеем? Беспощадность к врагам советской власти, преданность делу коммунизма и прочие бла-бла-бла. Обязательное вступление. Ритуальные шаманские пляски с бубном, не более того. Уже убивал, неплохо стреляет, обладает живым умом, способен к самостоятельным действиям, но беспрекословно подчиняется прямым приказам. Владеет немецким языком на среднем уровне. Хорошо, буду стараться, чтобы было именно так. Придется тщательно следить, чтобы не показать, что он мне – второй родной, если честно.

Стремление к росту по службе... Что ж, изобразим и карьериста, это не столь сложно. Но осторожно, мне не нужно, чтобы в ОГПУ сослуживцы считали меня тем, кто без раздумий пойдет по головам.

Что еще? А больше ничего действительно стоящего в письме не было. Оставалось лишь подготовиться сначала к звонку «товарищу» Руцису, а потом и сделать это. Но прежде – скрыть ту часть вещей, которую никому видеть не стоило.

Большая часть денег и золота, «парабеллум» с запасными магазинами, записки об особенностях настоящего Алексея Фомина, еще не до конца изученные – все это необходимо было надежно спрятать. Но не так, чтобы было сложно достать, ведь все это может понадобиться в любой момент, особенно последнее. Деньги, если ими правильно пользоваться – очень значимый инструмент, открывающий многие двери и затуманивающий нужные головы.

Да благословенны будут многочисленные московские подвалы и подземелья. Хорошенько присмотревшись, можно найти десятки удобных мест, в том числе и те, в которые вряд ли кто полезет, но из которых удобно забирать нужные вещи.

Вот я и нашел, вернее, выбрал из нескольких вариантов.

Удобный такой подвал под обычнейшим домом. Обычным в том смысле, что в нем не жили какие-то значимые для нынешней власти люди. Обычные рабочие, служащие, жмущиеся в уникальном и до глубины души мне противном изобретении соввластей – коммунальных квартирах. Комната на семью, в лучшем случае две комнаты. И одна кухня, одна ванная, один туалет на всю немалую толпу, что обычно живет в четырех-семикомнатных квартирах. Жуткая жизнь! Интересно, а знают ли живущие там, что жизнь может быть и другой, более комфортной, не перенасыщенной склоками и сварами из-за места на кухне, очереди в туалет, а порой так элементарного отсутствия ванной? Ведь некоторые пролетарские уникамы использовали ее для того, чтобы... солить огурцы. А помыться? Так много и часто мыться – не баре ж! И вообще, можно в баню сходить. Общественную. Шайка, веничек, кусок мыла и полотенце – там же и выдаваемые. Мда, это не прогресс, а совсем наоборот, скатывание в минувшее время. Тьфу!

Зато подвал в выбранном мною доме был хороший. Большой, с кучей потайных мест, до которых местным не было дела. И главное, туда очень удобно было проникать в темное время суток.

Три дня. Именно столько времени прошло с момента моего прибытия в Москву. И этого вполне хватило для минимального обустройства, привыкания к городу и скрытия части вещей. И такой незначительный срок перед звонком Руцису был вполне естественным. Ну захотелось прибывшему из провинции пареньку первым делом пройтись по большому городу. По столице. Это нормально, это естественно. Главное, чтобы не затягивать.

* * *

Вот и настал вечер, на который я запланировал свой первый контакт с чекистом. Пока лишь голосом, во время телефонного звонка. Но это лишь пока. Почему вечер? Ну а когда еще в будний день чекист может быть дома? Только вечером. Правда, и то нет полной уверенности, ну да в таком случае спрошу у того, кто возьмет трубку.

Ну, с богом. Номер набран. Теперь остается ждать ответа... Есть. Щелчок соединения, и вот в трубке раздается мужской голос:

– Алло...

– А можно пригласить Аркадия Яновича к аппарату?

– Кто его спрашивает? – Голос уверенный, прислуга обычно иным тоном отвечает на звонки. Следовательно, высоки шансы, что это именно нужный мне человек или его родственник у телефона.

– Меня зовут Алексей Фомин. Марк Захарович из Иркутска передает свой привет и письмо.

– Давно не слышал ничего о Стоцмане. С двадцатого года не виделись...

– Я не столь хорошо знаком с Марком Захаровичем, но помню, что вы виделись в двадцать третьем, в Ленинграде. Может, и позже, но тут он мне не рассказывал.

Вот она, ценность выбитой из ныне покойного Фомина информации. Обычная проверка. Если бы я ее не прошел, то думаю, со мной бы все равно встретились, но... уже с подозрением. А так – все в рамках нормы. Тому свидетельством стали следующие слова Руциса.

– Ох, чтоб мои годы да другому в подарок. Уж простите немолодого человека, Алексей. Забыл про ту встречу. Так вы говорите, что Марк вспомнил про давнего знакомого и сослуживца, письмецо с вами прислал?

– Да. Когда вам, Аркадий Янович, удобно будет, чтобы я его передал?

– Меня таки радует, что молодые люди уважают возраст. Давайте в пятницу, послезавтра. Сейчас уточню место...

Уточнил, не спору. Равно как и в жесткой форме приказал мне описать свою внешность, чтобы не перепутать. Что ж, следовало признать, что за десяток с лишним лет товарищи-чекисты кое-какие ухватки приобрели. Нельзя их недооценивать, ой нельзя! Ну я и не собираюсь. К тому же все равно уверен, что до чинов жандармского корпуса им при всем желании не добраться. Выучка не та, уровень разума тоже.

К сожалению, мне до них тоже расти и расти. Ведь все, что есть у меня за душой – обрывочные уроки отца, преподанные в детском возрасте, когда ко мне при всем желании нельзя было относиться полностью серьезно. Ну а дальше – самообразование. Штука, конечно, хорошая, но одного его маловато будет. Впрочем, ставки уже сделаны, остается играть. Карты на руках неплохие, поэтому нечего робеть.

Пара дней до встречи пролетели быстро, хотя и не впустую. Я усиленно занимался штудированием записей о жизни Фомина, а заодно прорабатывал возможные варианты разговора с чекистом. Цель – не просто избежать любых подозрений, но и произвести благоприятное впечатление на матерого зверя. В Иностранном отделе ОГПУ, да еще среди работающих в Москве, лопухи бы не удержались. А мне требуется заставить его признать, что приехавший из Иркутска паренек может оказаться полезен ОГПУ и лично ему. Ведь клановость – она есть везде, а возможность ввести в организацию не просто своего, но своего и перспективного человека... От такого мало кто откажется. Так что предстоит тебе, Алекс, из кожи вон вылезти, но предстать в нужном свете. Но и не переусердствовать. Ведь ты – перспективный, но всего лишь парень из сибирской глубинки.

Вечер в летней Москве может быть как хорош, так и не очень. Все от погоды зависит. На этот раз было... так себе. Не было летней духоты, но и прохлады отсутствовала. Нечто среднее. Равно как и мое настроение, когда я пришел на указанное Руцисом место на Большой Лубянской улице. И впрямь близко к его месту работы, что на Лубянской площади.

Подготовился ли я к встрече? Несомненно. Как душевно, так и физически. Случись что, ножны в рукаве и самодельная кобурка под маленький «браунинг», закрепленная на левой щиколотке, станут неплохими козырными картами. Но дойди дело до подобного – это станет провалом, после которого шансы добраться до трех намеченных жертв сильно понизятся. Ну, с богом! Или с чертом, мне безразлично, какая из высших сил ответит на мой мысленный призыв о ниспослании удачи.

Стою, изображаю легкую обеспокоенность, что встреча не состоится, а одновременно с этим осматриваю окружающее пространство в поисках чего-то чужеродного, опасного.

Вроде все тихо. Обычные люди, спешащие с работы домой, гуляющие,двигающиеся по своим делам. Вот милиционер прошел важной походкой, преисполненный уверенности в себе, в своей форме, возвышающей его над прочими. Стайка детишек появилась и вновь исчезла, нырнув на другую улицу. А вот и он, Руцис Аркадий Янович... наверное.

Эх, было бы у меня точное описание внешности этого чекиста! Но чего нет, того нет. Остается лишь очень смутное описание, в которое входит возраст, цвет волос, рост.

За сорок, черные волосы, рост около метра семидесяти. На первый взгляд очень приблизительное описание, но если добавить принадлежность к ОГПУ, то круг подходящих кандидатов очень сильно сужается. Причастность к тайной полиции всегда оставляет на человеке несмываемый отпечаток. Его можно скрыть, но лишь прилагая серьезные усилия. Властность, причастность к тайнам, уверенность, чувство превосходства над простыми людьми... Последнее у чекистов развито особенно сильно, привыкли за прошедшее время чувствовать себя властителями судеб. Привыкли – и стали считать это совершенно естественным. Сила ли это? Как по мне, так скорее слабость. Хотя во времена Российской империи до смуты девятьсот пятого года у корпуса жандармов была иная проблема – их как только ни костерили, называя сатрапами, душителями свобод и прочими «ласковыми» прозвищами. Не все, но слишком многие. Потом, после первой кровавой круговерти, немалая часть прозрела, поняла, что именно эти «сатрапы» стояли между ними и почуявшими кровь террористами и прочими боевиками различных революционных партий. Жаль только, что прозрели далеко не все, кто должен был.

А потом был семнадцатый... Уже не волна, а кровавое цунами, разрушающее на своем пути все, весь мир, всю империю. И конечно, одними из первых под этот удар попали носящие голубые жандармские мундиры. Тогда, как говорил отец, погибли, были застрелены или просто растерзаны очень и очень многие. А немногие выжившие, влившиеся в белую гвардию, если и слышали в свой адрес упреки, то лишь в том, что можно было и сильнее давить революционную сволочь. Да уж, коротка память людская. Раньше «сатрапы», потом... Эх-х, до сих пор больно и грустно.

Впрочем, не о том сейчас речь. Вот у этого человека, подходящего под описание Руциса Аркадия Яновича, есть во всем облике и манере двигаться отчетливая уверенность, даже властность. Уверен, что когда он приблизится, то и в глазах

его увижу отблеск причастности к самой могущественной в СССР организации – ОГПУ. Значит, это он, я не ошибся. И насколько я вижу – без сопровождения, один пришел. Не в форме, в штатском. Одежда далеко не дешевая, сразу видно, а вот чего-то вроде перстней или там дорогих часов нет. Лишь обручальное кольцо – простенький золотой кружок на пальце. А вот насчет оружия... Полагаю, что за ремнем со стороны спины, не зря же легкий пиджак на себе таскает, хотя по такой погоде мог бы и на руке его нести.

Не подозревает? Скорее всего, но бдительности не терять. Расслабишься – непременно воспользуются и если не проглотят, так понадусят. И лучше всего самому проявить инициативу.

– Добрый вечер, Аркадий Янович, – поприветствовал я предполагаемого чекиста, едва он приблизился на подходящее расстояние. – Это я вам звонил позавчера.

– Алексей. Ну как же, помню-помню! – Доброжелательная улыбка и абсолютно холодный взгляд, больше подходящий снулой рыбе, а не человеку. – У вас должна быть такая вещь, письмецо называется. Из Сибири, от старого Марка.

– Вот оно.

– Хорошо, – движение руки, выхватившей у меня письмо и переправившей оное во внутренний карман пиджака, было быстрым и каким-то... плавным что ли. – Потом почитаю. А сейчас давайте пройдемся до Сретенских ворот, а может и подальше. Там видно будет.

– Конечно. Вы здесь хозяин, я всего лишь гость в столице... Уверен, дорога будет интересной.

Слегка склонившаяся вправо голова, быстрый и пронизывающий взгляд... Снова холод в глазах. Оценил возможные варианты? Похоже. Увидел что-то не то? Сильно сомнительно. Обычная оценка нового для себя человека. Потому и письмо сразу вскрывать не стал, лишь бросил беглый взгляд на надпись на конверте. А что, там все правильно насчет почерка. Его он наверняка либо и раньше помнил, либо успел освежить в памяти.

Прогулка по одной из примечательных улиц Москвы, а в качестве экскурсовода – мой однозначный и бескомпромиссный враг-чекист, который о том знать не

знает и ведать не ведает. Безумие? Вовсе нет, просто гримасы жизни и судеб.

А вот тема, насчет которой вздумалось меня просветить чекисту, была глубоко отвратительна. Взятие города под контроль большевиками в том самом семнадцатом году. Однако приходилось восторгаться, поддакивать и порой уточнять определенные нюансы. Выражать, так сказать, полную заинтересованность и ждать, когда все это закончится.

Закончилось довольно быстро. Дойдя до Сретенки, Руцису надоела собственно неспешная прогулка. Захотелось присесть, но не просто так, а выпив чаю и сопроводив его в дальнюю дорогу чем-нибудь вкусненьким. Вот и предложил мне продолжить беседу в наверняка знакомой чайной. Отказываться я не собирался. С чего бы? Да и на интересующие меня темы в такой обстановке будет свернуть куда легче.

Люблю хороший чай – этого не отнять. Но летом – исключительно холодный, потому как горячее на жару мое тело плоховато воспринимает. А вот Руцису это явно было безразлично, потому как себе он заказал именно что горячий чай, а к нему немалое количество выпечки. Мне же есть особо не хотелось, потому обошелся одним пирожным с заварным кремом. Так, порядку ради, чтоб не голый чай был в заказе.

Интересно, мне кажется или нет, что чекист только и ждет, чтобы я с ходу завел разговор на тему поступления на работу в ОГПУ? Пожалуй, все же не кажется. Тогда это может быть такая простенькая проверка на выдержку, которая работникам любой тайной полиции всегда пригодится. Импульсивность и неумение выжидать – это существенный такой минус. Никак не плюс. Так что лучше задать чекисту еще парочку вопросов о достопримечательностях Москвы. Причем о новых, уже советских. О том же мавзолее, где труп «вождя краснокожих» валяется, на потребу всем местным «индейцам». Мне это, само собой, глубоко безразлично, но маска спросила бы именно это, так что играем роль с полной отдачей. Она ж должна стать моей на до-олгое время.

Спустя десять минут продолжавшегося разговора ни о чем конкретном Руцис резко изменился. Привычным манером стер с лица выражение «доброе столичного дядюшки», став тем, кем и был на самом деле – матерым чекистом со всеми отличительными чертами людей этой страты. Отставил в сторону чай, выпечку и потянулся за письмом. Небрежно вскрыл конверт и погрузился в чтение.

А ну-ка, Алекс, изобрази на лице неслабое такое волнение. Быстро! Ведь здесь и сейчас решается дальнейшая судьба парня из далекой Сибири, приехавшего «покорять столицу». Причем не просто так, а непременно в стройных чекистских рядах. Самое время достать наградную папиросницу с дарственной надписью и поинтересоваться, можно ли закурить. Такая вот не шибко хитрая, но тоже попадающая в роль попытка привлечь внимание к своим былым достижениям.

Есть реакция! Против моего курения не было никаких возражения, но на мгновение уголок губ чекиста дернулся, пытаюсь сложиться в такую вот понимающую усмешку. Дескать, старайся, молодой, я то все равно вижу все твои хитрости.

Нельзя казаться слишком умным, нужно представляться умным, но в меру. Покажи собеседнику, что он умнее тебя, но не грубо, а ненавязчиво. Старые трюки, но действенные с давних времен по сей день. У жандармов таких мно-ого было!

Меж тем Руцис дочитал письмо, подчеркнуто неспешно сложил его, засунул обратно в конверт и убрал обратно в карман пиджака. Игра на нервах? Это хорошо, действительно хорошо. Если бы написанное не вызвало у чекиста интереса, он бы весь этот спектакль не разыгрывал. Нецелесообразно, а насчет того, чтобы потешиться над таким, как Алексей Фомин... Не тот возраст, не то положение.

– Любопытное письмо, Алексей. Спасибо, что передал мне его. Там и о тебе пара строк есть.

Пара строк? Ну-ну! По сути оно мне, то есть моей маске, и посвящено. Старый иркутский чекист не имел ни времени, ни желания возиться с Фоминым сам, но решил сделать такой подарок столичному знакомцу. Так, с легким прицелом на будущее. Если выйдет что стоящее – будут два должника – собственно Фомин и немножко Руцис. Ведь если протееже оказывается полезным, то... В общем, все понятно, так было, так и будет. И неважно, какой строй: монархия, республика или вот этот вот... коммунизм непонятного окраса.

– Марк Захарович говорил, что упомянет обо мне в своем письме, – подчеркиваю этот факт и выжидающе смотрю на Руциса несколько секунд. И хватит, паузу затягивать не стоит, надо продолжать. – Я бы очень хотел работать в ОГПУ. И

надеюсь, что моя мечта сбудется, я столько времени готовился к тому, чтобы все это произошло...

– Готовился? Я посмотрю, к чему ты там готовился, Леша. А пока дай мне посмотреть все свои документы.

Будут тебе документы, чекист, будут. Знаю я про эту вашу особенность насчет любви к официальным бумагам с печатями. Потому заранее приготовился. Каким образом? Да просто выбрав наиболее подходящего по внешности человека, чье место в жизни собирался занять. Так что смотри весь комплект – от партбилета до списка оценок в университете за прошедшие три курса. Развлекайся, сравнивая фотографию со мной. Я уже наловчился придавать лицу такое выражение, которое максимально приближало меня к настоящему Фомину. Плюс к тому бритая наголо голова вносила свою лепту. Чекист не мог не знать, что достаточно сменить прическу и о стопроцентном сходстве с фотокарточкой даже говорить не стоит. Да и вообще, с чего бы ему серьезно сомневаться в моей личности? Не столь великая он фигура, чтобы разведки иных стран подводили к нему своего агента. А стандартную проверку моя «легенда» легко выдержит.

И что дальше? А дальше были вопросы. Ничего особенного, обычный для подобной ситуации набор насчет основных событий жизни, планов на будущее, причинах, по которым недоучившемуся студенту вдруг захотелось сменить будущую профессию. Он спрашивал, а я отвечал. Естественно, упирая на давнюю мечту, верность коммунистическим идеям и делу мировой революции. Не позабыл напомнить про уже имеющиеся заслуги, вытащив газетные вырезки и вновь привлекая внимание к именной папироснице. В общем, лез без мыла во все отверстия, как и полагалось юному энтузиасту.

Реакция чекиста была... неплохой. Меня не обрывали, не посылали в неведомые дали нехорошими и даже вежливыми словами. Скорее уж оценивали, пусть пока и очень приблизительно. А потом пошли куда более узконаправленные и серьезные вопросы:

– То, что ты уже обстрелянный в боях с врагами советской власти – это хорошо, Леша. Я, конечно, все это проверю, уж не обижайся, работа у меня такая.

– Понимаю, Аркадий Янович, – изобразил я на лице такое озабоченное выражение. – Ведь враги СССР хотят проникнуть в ОГПУ, сердце безопасности нашей страны.

Легкая улыбка от столь искренне-наивных слов была ожидаема и порадовала. Вспышка верности идеям замечена и засчитана. И хватит, слишком много восторженности – это минус.

– Хорошие успехи в учебе. Будущий юрист... Нужные знания, да. Немецкий язык. Хорошо говоришь?

– Читаю хорошо, а говорю... я стараюсь совершенствоваться... – Тут нужно потупить взгляд. – Но я быстро учусь. Вот еще хочу французским серьезно заняться. Пока сам начал, но без учителя сложно.

– В твои годы успеешь выучить, если он нужен будет. Или не французский... – Интересная оговорка. Показывает заинтересованность, как ни крути. К тому же чекист этот в иностранном отделе работает, так что совсем по его направлению нюанс насчет языков. – Только в ОГПУ нужно не только быть готовым разоблачать врагов, бороться с ними, но делать это умело. Сможешь или нет?

Простой вопрос, на который ожидается простой ответ. Но в этом и риск. Скажешь, что «конечно, смогу», а окажется, что выставил себя пламенным, но глупым любителем. Такого могут как взять на заметку «на потом», так и сделать простым информатором, хотя и нормальная реакция не исключена. Только вот яркого впечатления не произвести. А оно все же желательно. Пусть будет повышенное внимание, ну так и плюсов от такого развития событий много. Куда больше, нежели минусов. Рисуем...

– Тут я не могу ответить, просто нечего. Тут как в сказке, где «пойти куда, не знаю куда, и принеси то, не знаю что», – увидев заметный проблеск удивления в глазах чекиста, продолжаю: – Аркадий Янович, я же не чекист, я просто не могу знать, что требуется для успешной работы в ОГПУ. Вот если вы спросите о чем-то конкретном, тогда я смогу ответить, не вводя в заблуждение ни себя, ни вас.

Туше! Проблеск любопытства сменился полноценным интересом. Похоже, что не часто ему доводилось бывать в таких вот ситуациях, когда юный член партии, желающий вступить в ОГПУ, проявляет не только пламенный энтузиазм верного

ленинца, но еще и умение думать вкупе со здоровой оценкой ситуации.

– Похвально, Леша. Думать в нашем деле надо, а поспешные решения могут дорогого стоить. Вот как бы это объяснить тем... излишне уверенным сотрудникам, которые лезут вперед, ни о чем не думая, кроме... Да и об этом тоже не думая. А потом по ним на могилках горько плачут. Да, бывало. А ты, Алексей, пей чаек, он здесь хороший. Сейчас новый принесут.

Пробрало чекиста, раз стали проскакивать эмоции не искусственные, а настоящие. Это уже не внешняя маска, тут он сам заговорил. Но это и опасно. Сейчас он просто должен принять решение насчет меня. И если я правильно понял его суть – будет проверять на умение принимать верные решения. Что ж, азы жандармских умений мне в помощь, которых я нахватался у отца – последнего живого человека из семьи, пережившего остальных на два с хвостиком года...

Руцис говорил сейчас откровенно ни о чем. Ну не считать же важным разговором сравнение вкусов того или иного сорта чая, которые в этом заведении подают. Я вежливо вставлял слово-другое и ждал. Чего? Когда собеседник созреет до того, чтобы спросить что-то серьезное. И дождался. Спустя минуты две после того, как нам обновили заказ, Руцис резко сменил тон:

– Я работаю в иностранном отделе, поэтому и вопрос такой. Отвечай быстро, не задумываясь. Тебе нужно завербовать агента в посольстве, и есть несколько вариантов: один из секретарей, посвященный во многие тайны; служащий, не имеющий доступа к бумагам, но давно работающий и находящийся вне подозрений, служанка со смазливой личиком; один из охранников. Первые два не любят нашу страну очень сильно, третья относится равнодушно, последний же тайно симпатизирует идеям социализма, что хоть и не коммунизм, но близкое идеологическое течение. Твой выбор?

– Уточнение. Я нахожусь в другой стране или здесь?

– А для тебя таки есть разница? – изогнул бровь чекист, вопрошая меня с явной иронией. – Оба случая.

– В обоих случаях не стал бы вербовать охранника, так как он, как сочувствующий социализму, первый попадет под подозрение. Но здесь

особенно. Служанка – здесь тоже не лучший вариант. В СССР посольства всегда будут более внимательно следить за простыми людьми. Лучше попробовать секретаря или простого служащего... И предварительно узнать о слабостях, таких как вино, женщины, нехватка денег на них. И спровоцировать очень неблагоприятную ситуацию, если такой уже нет. Если все происходит за границей – можно попробовать выдать себя за иностранца. Чтобы след вел в никуда... – Прервавшись, я все же добавил последний «штрих к портрету»: – Аркадий Янович, если дадите более конкретную задачу, мне будет легче сказать больше. А сейчас больше не скажу, слишком нечетко все.

– Гхм... А как же классовая близость? Социалист мог бы работать, воодушевленный идеей.

– Мог бы. Особенно как ложная цель. Создать вроде как информатора, но поручать то, что было бы ложью, вводило врагов в заблуждение касаясь истинных целей.

– Я тебя понял, Леша. Необычный для такого юного человека подход. Мне нравится... Разрешите только спросить, откуда такой подход к решению предложенной мной задачи?

– Читал много, Аркадий Янович. В том числе того же Макиавелли с его «Государем». Понимаю, что такие, как он, всегда были и будут врагами трудового народа. Но приятно использовать оружие тех же буржуев против них самих. Есть в этом своя историческая справедливость! Ведь сам Владимир Ильич Ленин говорил, что «капиталисты сами продадут нам веревку, на которой мы их и повесим».

– Правильная, очень удачно выбранная цитата великого человека, – с довольным выражением лица закивал Руцис. – Приятно мне, немолодому уже человеку, встретить в молодежи не только желание встать на стражу нашей страны, Страны Советов, но и понимание того, как это делать. Но тебя многому надо учить. Только ты не волнуйся, найдутся нужные люди. Ох, Маркуша, хорошего человечка ты ко мне послал!

Все, дело на мази. Раз уж чекист немного расслабился, то его удовлетворил как ответ на вопрос, так и дальнейшие пояснения с уточнениями. Мне остается лишь не спугнуть удачу.

– Значит, я...

– Ты интересен ОГПУ, – вновь спокойным, почти без эмоций голосом ответил Руцис. – Только сразу тебя никто на работу к нам не оформит. Нужно будет написать заявление, пройти проверку документов и подлинности личности, затем собеседование. И, конечно, решить, в каком именно отделе тебе лучше работать.

– А что бы рекомендовали мне вы?

– Решил прислушаться к советам? Молодец, Леша, никогда не забывай, что излишняя уверенность многих подводила, – благосклонно воспринял легкий такой «прогиб перед начальством» Руцис. – Тебе может подойти Секретно-оперативное управление, особенно контрразведывательный отдел. Или же иностранный отдел, где работаю и я. Но это лишь совет, который зависит не только от желания ему последовать, но и от свободных мест.

– Я понимаю. И готов приносить пользу Советскому Союзу в том отделе, в каком потребуется.

Улыбка... Понимает, что так ему намекают, что в любом отделе, но непременно в ОГПУ. Но отторжения не чувствуется.

– Потребуется, Леша. Мое слово весит не очень много, но и не услышать его нельзя. Месяца два или три, я думаю, займут проверка и оформление бумаг. Ты где остановился?

– В гостинице, – вздохнул я, показывая, что для простого советского студента это не лучший выход, если вспомнить об отсутствии денег. – Справлюсь, если попробую на временную работу устроиться. Вагоны, например...

– Лучше займись учебой. Языками и еще кое-чем, я подумаю, что посоветовать, – кажется, Руцис призадумался на тему сделать из меня своего протеже и пользоваться этим в будущем, если все хорошо для него сложится. – На гостиницу денег у тебя на такой срок не хватит. В общежития наши тебя не устрою, бумага нужна. Дам несколько адресов, где часто комнаты сдают. Недорого.

– Спасибо, Аркадий Янович!

– Успеется... – Промельк в глазах: дескать, я еще свое сторицей стребую, потом, когда смысл появится. – И не забудь позвонить, когда устроишься. Мне будет что тебе сказать и посоветовать. Сейчас же пора, еще встретимся.

И чекист, не сильно озадачивая себя правилами хорошего тона, встал из-за стола и неспешно направился к выходу из чайной. Счет, кстати, предоставил оплачивать мне. Нормально, уж такую мелочь точно переживу, с моими-то финансовыми запасами. Теми самыми, о которых роже чекистской знать точно не положено. Так что продолжаю прихлебывать чай, заедая его сдобной булочкой с маком и думать.

Мыслей было много, но все они двигались в радующих меня направлениях. А как иначе? Первый шаг по внедрению осуществлен. Теперь должна быть некоторая пауза, но это неизбежно. Ничего, посидим тихо, изображая тщательную подготовку к работе в ОГПУ. Руцису непременно позвоню, вежливо попрошу совета, чем лучше себя занять в плане учебы. Ну, помимо изучения иностранного языка... или языков. Главное для меня – получить официальную принадлежность к той организации, которую я абсолютно ненавижу. Изнутри, как известно, куда легче ударить в нужную цель. А к тому же избегая подозрений.

Глава 3

Покуда существует революционный террор, должен существовать и полицейский розыск. Познакомьтесь, господа, с революционной литературой, прочтите строки, поучающие о том, как надо бороться посредством террора, посредством бомб, причем рекомендуется, чтобы бомбы эти были чугунные, для того, чтобы было больше осколков, или чтобы они были начинены гвоздями. Ознакомьтесь с проповедью цареубийства.

П. А. Столыпин, премьер-министр и министр внутренних дел Российской империи

Образец надо дать. Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не менее 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц. Отнять у них весь хлеб. Назначить заложников, согласно вчерашней телеграмме. Сделать так, чтобы на сотни верст народ видел, трепетал, знал, кричал... Найдите людей потверже.

В. И. Ленин

Судьба любит порой забавно подшучивать над людьми. А так как я, несмотря на некоторые странности внутри моей головы, все же человек, то и меня фатум не обошел стороной. Совсем не обошел!

За все достижения надо платить. Это я знаю. Но на сей раз плата оказалась... крайне оригинальной. И ведь знал, что это будет противно, но не представлял, до какой степени. О чем это я сейчас? Да о том месте, где я вынужден был жить вот уже почти три месяца. О богами проклятом месте – коммунальной квартире! Знал, что для полной достоверности придется косвенным образом намекнуть Руцису, что гостиница не по карману студенту-недоучке. Догадывался и о последствиях, но не думал, что ситуация окажется настолько омерзительной.

Название «коммунальное жилье», как всем понятно, происходит от слова «коммуна». Жуткое изобретение советской власти – засунуть в одну большую, многокомнатную квартиру несколько семей, создавая ад на земле. Впрочем, многие обитатели этого ада сами в него заползали – радостно и с половецкими плясками. Тогда еще, сразу после революции, когда такими первобытными ордами набивались как сельди в бочки в квартиры бывших, как они считали, «угнетателей». И, само собой разумеется, портили и обгаживали все, что под руку попадалось. Например, топили книгами буржуйки и из роскошных штор вертели косынки и портянки. Вот он, человек советский во всей своей красе. Не создавать новое, но разрушать «до основания» старое. Впрочем, это им и их идеологическая накачка велит. Как там звучит в их песенке? «Весь мир насилья мы разрушим до основанья. А затем... Мы наш, мы новый мир построим. Кто был никем, то станет всем!» Вроде бы так они поют. Ну да, разрушить мир у них получилось. Не весь, но уж великую империю точно. Вот только устроенная на ее обломках хибара никакого уважения не внушает. Может, она и способна будет ужасать, когда на нее смотрят извне. Но жить внутри, быть ее частью и восторгаться всем дерьмом жизни типичного «хомо советикус»... Сомневаюсь, что нормальный человек, с честью и гордостью, способен на такое. А вот насчет того, что бывшие никем стали всем – это да! Достаточно всего лишь как следует поинтересоваться, кто сейчас находится на важных постах, и... тихо побиться

головой о стену, потому как здоровая голова подобное нормально воспринимать просто не может. Там не то что университетское образование – законченное реальное училище или гимназия практически не встречались.

Кухарка может управлять государством? Нет, вопросительная интонация тут лишняя – это было еще одно утверждение нынешнего покойника, который теперь упокоился в своем личном мавзолее. Вроде как его, хотя точно сказать не берусь – у меня уже голова кругом от всех этих цитат. А знать их надо, положение обязывает.

Впрочем, не о том речь. Науправлялись... кухарки! Их любимый военный коммунизм перерос в голод. Продразверстки, бунты даже тех крестьян, которые их поддерживали, потом снова голод. Затем был НЭП – не от любви к частному капиталу, а просто от осознания безвыходности положения. Подождали бы с ним годик-другой – тогда или с голоду окончательно перемерло слишком большое количество населения, или смели бы «товарищей», потому как еды не просто не было, а «не было совсем».

Несколько лет НЭПа убрали угрозу голода. Кое-как оживили промышленность, за ради дееспособности которой – вот стыдоба – пришлось с нуля специалистов завозить из-за рубежа за очень большие деньги. Ну да, своих или вырезали, или же те сами убежали на огромной скорости из страны «победившего коммунизма».

Результат? Появились нэпманы – скоробогатеи, дикая буржуазия – да еще сильное влияние иностранного капитала, особенно в сырьевых, перерабатывающих и промышленных секторах. Не лучшая перспектива для любого государства, но для СССР еще и идеологически чужеродная. Капитализм ведь! Буржуи! Впрочем, все шло тем же манером, что и во время французской революции. Там ведь тоже острая фаза резни «бывших» сменилась затишьем и торжеством недобитой, а особенно новообразовавшейся буржуазии.

А потом НЭП стали свертывать. Сначала аккуратно, вытесняя частный и особенно иностранный капитал из важных сфер. Это было логично и понятно для многих. Дескать, государство стремится к контролю за жизненно важными областями. Зато потом, осенью двадцать восьмого объявили курс на коллективизацию. Тут уж даже тем, кто способен был лишь к самым слабым размышлениям, стало понятно – пошел откат к тому самому «военному коммунизму». А где он, там и запрет частной собственности. Пусть не на все, но

почти на все. И прочие пакости ожидалось, причем много и солидных размеров.

Проще говоря, дали барашкам жирку и шерсти нагулять – пришло время их сначала стричь, а потом и резать. И резать стали. Коллективизация пахла кровью, могильной землей, от ее воплощения в жизнь были слышны истошные крики. Пока в деревне, но они вот-вот доберутся и до города. Я это видел, к тому были все предпосылки.

Хотя... Они сами посадили себе на шею эту власть. Кто-то активными действиями, другие одобрительными криками. А немалая часть – своим бездействием, стремлением забиться в норки с надеждой, что все обойдется, особенно если не будешь высовываться. Премудрые пескари! Верно про таких Салтыков-Щедрин писал, ой верно! Забрались поглубже в придонный ил во время революции, гражданской, времени после нее. Вылезли, когда объявили НЭП. А сейчас снова в тину, в той же идиотской надежде, что удастся пересидеть. И словно не помнят о том, какое количество им подобных лишились всего. Многие даже жизнью, порой весьма мучительными способами.

Эх как меня занесло, пусть даже в мыслях! А что поделывать, обстановка вокруг сильно влияет. Коммунальненькая такая, от которой хочется скрыться как можно дальше и больше туда не возвращаться. Однако возвращаюсь, причем каждый вечер, пусть и ближе к ночи. Ночевать-то все равно где-то надо. В гостиницах – нельзя. Там документы требуют, а еще информировать о постояльцах обожают. Тьфу, чума на все их деревянные головы!

Не дают спокойно поспать и так замученному мне, Александру фон Хемлоку, волею обстоятельств временно ставшему Алексеем Фоминым. Как только наступает утро – время сборов на работу, – в небольшой такой коммуналке из пяти комнат на четыре семьи плюс я, начинается форменное светопреставление.

Думаете, я шучу? Ага, как же! Чтобы убедиться в печальной реальности, достаточно простейшей арифметики. Итак, начнем.

Дано: более десятка людей, частично не связанных между собой даже приятельскими узами, одна кухня и один, прошу прощения, туалет типа сортир, в который порой и зайти страшновато, до такой степени он изгажен... Про единственный коридор даже упоминать не стоит, это и так очевидно, но по сравнению с прочим совсем уж малозначимый нюанс.

Вопрос: может ли вся эта орава, которой надо на работу примерно к одному времени, поделить кухню и обойтись без очереди в, кхм, места общего пользования? И чтобы все это происходило без постоянного выяснения отношений на повышенных тонах и с использованием очень разных и зачастую неприличных выражений?

Ответ: не может! Никогда и ни при каком условии, потому как сама природа человеческая будет постоянно восставать против такого над собой издевательства.

Вот он, парадокс жизни в советской стране, решать который власти, судя по всему, просто не собираются. В ближайшие годы уж точно. Для них куда важнее совершенно иные задачи. К примеру, выполнение плана этой их пятилетки. Не понимают, болезные, что находящиеся в более человеческих условиях и работать будут лучше. А то вместо нормальной жизни в мало-мальски приличной обстановке – одна корявая идея. Почему корявая? Есть много причин, очень много, даже заново пролистывать их в мыслях лень.

Поднимаюсь с заметно продавленного дивана, потягиваюсь... Хорошо выспался, хотя еще часик-другой можно было. Но не при таком шуме за дверью, право слово! Чтоб большей части источников этого шума просто провалиться! Так ведь не сделают. А если и провалятся – то на этаж ниже, в естественную область обитания таких же созданий. И тогда... шума будет на порядок больше.

Что-то в горле пересохло. Выпить минеральной воды будет неплохо. Взгляд обшаривает те места, где могла бы стоять купленная вчера вечером по дороге домой бутылка, и... Проклятье, я ее еще ночью приговорил, одна тара осталась. Значит, придется простую водичку пить, из крана. А кран у нас, вестимо, на кухне расположился.

Открываю благоразумно запираемую на замок дверь, выходя из личного пространства в самое что ни на есть общественное. И сразу же мимо с шумным топотом пронесется представитель пролетариата – Семен, работающий слесарем... где-то. На роже следы похмелья, в глазах ненависть ко всему миру вокруг. Ну и вопль в сторону невидимой сейчас, но несомненно присутствующей в квартире жены:

– Куда ботинки дела, стерва?! Зашибу!

– Интересно, а останется ли бас после того, как яйца оторвутся?

Вопрос был задан в пространство, тихим голосом, но этого хватило.

Разбуянившийся слесарь заметно погрузнел, зачах-засох и уже без прежнего порыва удалился. Наверное, самостоятельно искать свою обувь. Ах да, еще пытался бросать на меня злобные взгляды, но лишь тогда, когда считал, что я не вижу.

Все это привычно, можно сказать, естественно, учитывая срок моего тут пребывания. А началась «цепь событий» буквально через два дня после того, как я, руководствуясь советом чекиста Руциса, снял комнату в этой квартирке. У пожилой супружеской пары, оба сына которых убыли на какие-то там стройки, связанные с досрочным выполнением пятилетки. Собственно, со сдающими комнату никаких проблем не было – люди простые, но безобидные. Зато остальные жильцы по большей части были тем еще паноптикумом. В одной из комнат проживало семейство в лице бабки, давно выжившей из ума, ее дочурки с мужем и целого выводка совершенно невоспитанных детишек, от старшеотроческого до дошкольного возраста. В другой – тот самый Семен с женой Аглаей и сыном лет трех-четырёх. Ну а в последней – недавно закончивший институт и устроившийся на работу в столице инженер-электрик, явно выбивающийся из всей этой сомнительного качества компании.

Первый день прошел... да никак, я вовсе не собирался проводить в этом месте сколь-либо длительное время. Место для сна, не более. А заниматься изучением нужных вещей и исследованием города можно, а то и нужно, вне стен комнаты. И уж тем более обедать-ужинать, поскольку я и процесс готовки слабосочетаемы. Получающиеся у меня «яства» – отдельная песня. Ими хорошо разве что недругов травить, на большее они не пригодны.

А вот вечером второго дня, появившись на общей для жильцов кухне, я увидел не самую приятную картину. Нехилая туша Семена возвышалась над сжавшейся в комок его женой и орала. Громко так, с заметным преобладанием непристойных слов. А вдобавок, явно окончательно разошедшись, сей амбал отвесил ей довольно сильную оплеуху. Причина? Как я понял из воплей, жenuшка позволила себе даже не флирт, а всего лишь улыбку кому-то во дворе. И сейчас, по меркам Семы-маргинала, было вполне заслуженное наказание. Вот только мне это эстетического удовольствия отнюдь не доставляло. Пришлось вмешаться. И совсем не в советском стиле.

– Эй, ты. Пасть закрыл, жену свою отпустил, после чего убежал в комнату и сидел тихо, как мышь под метлой.

Абсолютное изумление выражала даже спина Семена. Боюсь даже представить, что у него на роже творилось. Он окаменел на несколько секунд, потом яростно... пожалуй, все же хрюкнул и медленно так развернулся в мою сторону. Жену, правда, в покое оставил.

– Это какая сволота?.. Ты, студентишко, интеллигент сраный! Ты на кого? На меня, рабочего человека! Я сейчас тебя изувечу, будешь кровавыми соплями истекать и кровью ссать...

Быдло. Правда, массивное и на вид внушительное. Интересно, он и правда думал, что я либо испугаюсь, либо полезу выяснять отношения в кулачном бою? Нет, мог бы, причем без особых опасений, но не стал. Вместо этого аккуратно в его чугунный лоб прилетела деревянная скалка. Победила дружба. Иными словами, лоб не проломился, но и кухонный инвентарь не сломался. И обе стороны конфликта упали. Скалка сразу, сиротливо укатившись в угол кухни. Семен с некоторым опозданием, сначала что-то прохрипев, а потом осев на грязноватый пол там же, где и стоял. Мне только и оставалось, что подойти поближе для окончательного вразумления возмнившего о себе невесть что маргинала.

Для вразумления был использован первый попавшийся под руку и подходящий предмет, а именно сковородка. Довольно массивная, не первой свежести, явно часто используемая. Правда, не таким экстравагантным образом, хотя всякое может быть.

Сначала привести в чувство... Шмяк! Сковорода прошлась узкой стороной по ребрам. Так, тело подает матерные признаки недовольствия. Тогда переходим к основным процедурам.

– Если мама в детстве не учила себя хорошо вести, да и папочка ремнем не баловал, так это недолго и исправить!

Используемая в качестве вышеупомянутого ремня сковорода обрушивается на задницу. Чувствую себя немного в иное время, когда таких вот красавцев пороли на конюшне. И, что характерно, помогало, по крайней мере, на какое-то время. Потом приходилось вводить новую дозу, хм, лекарств.

– Но раз не постарались они, придется мне поработать. Не хамя мне, морда! Не мешай матерными криками. Не пытайся жену бить, поскольку меня это раздражает и портит настроение.

Каждый тезис сопровождался очередным ударом сковороды по заднице. Гудел предмет кухонной утвари, подвывал наказуемый... Идиллия! И надо же было ее разрушить, причем не абы кому, а его жене, Аглае.

– Оставь маево мужа! – взвизгнула недавно побиваемая собственным супругом женщина. – Я на тебя в милицию напишу!

– Тяжелый случай, – вздохнул я, после чего отвесил объекту очередной, но уже последний удар. А то еще прибью уroda. – Женщину бьют и матерят, а она за любящего рукоприкладство муженька заступается. Нет, есть все же горькая ирония в том, что некоторые жертвы побоев сами втайне любят быть битыми. Впрочем, живите как хотите, мне до того дела нет. Только приспичит поорать особо громко или драться – вне моей видимости и слышимости. А милиция...

– Милиции на тебя нет! – вновь взвыла Аглая, когда я, оставив ее дражайшую половину в покое, еще и вручил сковородку с вежливой улыбкой. Дескать, вот так и пользуйся, если надо будет.

– Нет, это точно. Да и не будет. Ну на кого подумают как на зачинщика, сравнив меня и вот этого вот, – презрительный взгляд в сторону Семы, стоящего в позе «а ля рак» и мотающего головой. – Да и уверен, что его уже не раз за пьянки или буйства привлекали. Так что сидите, граждане, и не чирикайте. Вам же спокойнее будет.

Вот такое вот у меня было «знакомство» с довольно типичными, но яркими обитателями коммуналки. А ведь таких более чем достаточно, распространены они по всем городам и весям. Только не в том было самое большое безумие. Действительно, живут себе, так и пусть живут. Но лишь в бодром и гармоничном соседстве с себе подобными. Так ведь нет, никак советская власть этого не желает. Тому пример был и в том «зверинце», где временно поселился и я.

Спустя некоторое время угораздило меня довольно поздним, но все же утром столкнуться на той же кухне еще с одним жильцом, Виктором. Тем самым

инженером-электриком, попавшим в столицу после окончания института и работавшим на одной из электростанций. Не бог весть какая должность, но для начала карьеры в Москве неплохая. А столкнувшись, я впал в совсем уж глубокие раздумья по поводу безумия советской власти. Виктор был самым что ни на есть романтиком – наивным и верящим в лучшее. Да-да, несмотря на чувствительные пинки, которые жизнь выдавала ему, призывая одуматься, ибо быть романтиком в Стране Советов можно, но очень уж вредно для здоровья, особенно если эта сама романтика соседствует хотя бы с минимальным уровнем интеллекта. А мозги у этого инженера были, уж относительно его электрики и прочей техники точно.

И вот во время случайного столкновения на кухне этот чудак начал меня благодарить, путано и многословно, по поводу того, что мне удалось повлиять на этого самого Семена. Тот и впрямь заметно прижух. Признаться, меня это слегка удивило, но не высказать мнение я в этой ситуации не мог.

– Таким хамам только в морду давать и стоит. Слов они просто не в состоянии понимать. Бери на вооружение.

– И рад бы, – потупился Виктор, сверля взглядом пол. – Только не с моим неумением драться. И не люблю я кулаками махать, всегда пытаюсь договориться.

– С Семой? – саркастически фыркнул я, представив себе такую картину. – Обзовет он тебя интеллигентом и скажет, что еще слово, и кулака его попробуешь.

– Он так и сказал...

– Во-от! Так что думай, инженер, как или учиться таким вот уродам отпор давать, или как сменить комнату в коммуналке на отдельную квартиру.

– Кто же мне ее даст, – еще больше загрустил Виктор. – Мне, когда я только заикнулся, сказали, что жилой фонд очень мал, на всех не хватает.

– На всех хватать никогда и ничего не будет.

- При коммунизме - будет!

Наивный советский человек. Других слов и не подобрать. Ведь всем вовне СССР, да и партийной верхушке внутри СССР понятно, что коммунизм - фикция. В лучшем случае - некий недостижимый идеал. От каждого по способностям и каждому по потребностям. Так? Иллюзия. Человеческие хотения всегда будут больше, чем способности. Игры с «нулевой суммой» тут просто невозможны. Одни будут на вершине той или иной пирамиды, другие же в ее основе. И этого не изменить.

Впрочем, объяснять это прекраснородушным романтикам Страны Советов - бесполезно. Сами осознают... если успеют и если дадут. Мда. Поэтому я ограничился несколько иным вопросом, желая получить ответ, так сказать, от недавнего свидетеля.

- Что коммунизм будет и при нем всего на всех хватит - я даже не сомневаюсь. Но живем-то мы сегодня, когда он только-только строится. Вот мне и интересно, кому там сейчас больше других квартиры дают? Сам понимаешь, самому скоро подобное предстоит. Поделись опытом.

- Я не знаю точно. Могу только по своим впечатлениям, - застеснялся Виктор, аки красна девица на выданье. - Похоже, нечем порадовать, сейчас мало кто отдельные квартиры имеет и будет иметь. Только очень нужные партии люди: директора и главные инженеры заводов, партийные работники, может еще кто. Я, когда ордер на комнату получал, в очереди много чего видел.

- Внимательно тебя слушаю, - подбодрил я собеседника, получившего комнату меньше года тому назад. - Очень интересные вещи рассказываешь.

- Скорее грустные. Кого только там не было, видел и рабочих, и служащих, даже командира роты, которому тоже только комнату обещали. Правда, коммунальная квартира лишь на три семьи. Это ему сильно повезло. Так само жилье, что тех, кто во время НЭПа отдельными квартирами обзавелся, уплотнять станут. Или уже стали, я не понял.

- Плохое для этих людей известие.

– Так временно же, – широко раскрыл глаза этот наивный человек. Ведь нет ничего более постоянного, нежели то, что власть предержащие любят называть временным. – Потом у каждого своя квартира будет. Надо лишь потерпеть. Да и они... нэпманы. Пожили за счет народа, и хватит.

– Тоже верно, – согласился я, не выпадая из образа. – Ты лучше скажи, долго ли все это длилось и какие особенности во всей этой канители запомнились?

Виктор что-то отвечал, но меня его ответы уже не интересовали. Так, звуковой фон, не более того. Гораздо интереснее был узнанный нюанс, вполне заслуживающий доверия. Виктору врать смысла нет. Простая душа, что видит, о том и говорит. В том числе и об уплотнении.

Ну что, очередной этап возврата к жестким коммунистическим методам. Сворачивание НЭПа, объявление коллективизации на селе, затем начало уплотнения в сфере городского жилья...

Уплотнение! Назвали-то как нейтрально! Лучше бы своими словами, без попыток словом смягчить суть дела. Уплотнение – это процедура, когда тебя, живущего в отдельной и уютной квартире, вдруг оповещают, что, к примеру, из пяти комнат за тобой останется... Скажем, аж целых две! Ну а остальные три отходят родному государству и великому делу коммунизма. Спустя пару недель в эти три уже бывших твоих комнаты вваливаются толпы народу (классический норматив Страны Советов – комната на семью) – и еще недавно кажущаяся радужной жизнь превращается в ад.

Знаем, проходили. Сразу после революции, в первые годы, все осколки старого мира, людей, являющихся без преувеличения элитой, лучшей частью империи, подвергли такой вот... процедуре лишения всего. Тех, кто не был убит сразу и кто не бежал из страны при первой возможности, понимая, что жизнь здесь будет хуже всего прочего.

Возврат к истокам, что тут еще сказать-то можно! Отдельные квартиры в Стране Советов по большей части лишь для партийной верхушки да тех специалистов в тех или иных областях, без кого покамест не получается обойтись. А остальных – в коммунальное житие. Причем подается это таким манером, что люди, становление которых происходило уже при новой власти, принимают безумие коммунальной жизни как нечто само собой разумеющееся. Вот как Виктор, этот

инженер-электрик. В его голову даже не закрадывается мысль о том, что он, довольно ценный специалист, получивший высшее образование, просто не должен жить в одинаковых условиях, например, с тем же пьяным маргинальным пролетариатом в лице того же алкаша и бузотера Семена.

Собственно, в Российской империи такого быть в принципе не могло. Любой человек понимал, что получая образование, продвигаясь вверх по ступеням незримой государственной пирамиды, он улучшает уровень своей жизни, ее комфорт, дает возможность своим детям начинать жизнь с более выгодных позиций. Это нормально, это естественно. И шанс был у любого. Множество примеров имелось, когда люди из самых низов, проявляя способности и волю, достигали всем заметных высот. Еще со времен Петра Великого это приобрело по сути официальный статус. А им же введенный «Табель о рангах» окончательно закрепил систему, работающую с его времен и до момента крушения великой империи.

Теперь системы нет. Вообще нет. Зато все, кроме партийной верхушки, конечно, могут почувствовать на своей шкуре жизненные тяготы и грязь во всей сомнительной красе. Ту грязь, что раньше была уделом тех, кто не хотел ничего достигать, ни к чему стремиться. Да-а, вместо стремления вверх советская власть окунала своих граждан в помой по самую маковку. Еще и заботливо придерживала рукой, чтобы, не дай боги, кто-нибудь не оказался чистым. Зато мнимое равенство, столь любимое теми, у кого нет ни ума, ни воли, ни силы духа.

Впрочем, меня это напрямую не касается. Я отнюдь не часть Страны Советов, у меня тут просто важные дела. Очень важные. Ради них потерпеть несколько месяцев или даже больше коммунального жития – невелика цена. К тому же...

* * *

Как и было уговорено, раз в несколько дней я звонил Руцису, сообщая ему о своих «усиленных занятиях» и прогрессе в оных. Изучение французского языка – который я и так знал, пусть и не очень хорошо, со словарным запасом, вынесенным из детства, – а также кое-каких рекомендованных чекистом книг... Полезных книг, что должны были сместить полуполученное Фоминым юридическое образование в сторону ОГПУ-шных надобностей.

Но на сей раз...

- Добрый вечер, Леша, - ответил на мое приветствие чекист, причем голос у него был особенно ласковый. - У меня есть чем тебя порадовать.

- Приняли? - организовав должную долю восхищения и предвкушения в голосе, спрашиваю я. - Неужели...

- Приняли. Помнишь, я рассказывал тебе о структуре ОГПУ?

- Конечно, Аркадий Янович, могу наизусть пересказать.

- Не нужно, - усмехнулись на том конце провода. - Я хочу напомнить про Особый отдел ОГПУ. После недавней реорганизации в него включили восточный отдел и, что важно для тебя, контрразведывательный. Ты поступаешь на службу в первый отдел особого отдела. Он занимается контрразведкой против деятельности на территории СССР разведок стран Европы и США, а также наблюдает за диппредставительствами. Ты доволен?

- Очень доволен, Александр Янович! Вовек не забуду вашей помощи.

- Не забудешь, - эхом отозвался Руцис. - Послезавтра, в девять утра, будешь на Лубянке. Документы на тебя готовы, проверку ты прошел. Разберешься, что и как. Еще вопросы?

- Только один. Моя должность?

- Свой кубик в петлицы получишь. Не простым же агентом тебя зачислять с тремя курсами юридического и умением думать! - Я чуть ли не увидел, как чекист лениво отмахнулся от этого естественного для прозелита вопроса. - Документы, форма, оружие - все это тоже получишь. Как и комнату в нашем общежитии. Нечего сотруднику ОГПУ в съемной комнате ютиться.

- Большое спасибо, Александр Янович...

- Уже слышал. И не забывай... звонить.

Все, трубка повешена. А последние слова чекиста – явный намек на то, что он считает меня обязанным всерьез и надолго. Правильно, логично, естественно. Сейчас он бросает перспективного новичка в омут тайной полиции и будет ждать, внимательно за ним наблюдая.

А я что? Меня такой расклад полностью устраивает. Делаю вид, что обрадован до полубессознательного состояния и считаю Руциса своим первым защитником и благодетелем. Естественно, буду постоянно ему звонить, спрашивать совета, что действительно будет нелишним... Ах да, еще надо будет преподнести чекисту какой-нибудь презент – по душе. Но не слишком дорогой, в пределах того, что может себе позволить недавний студент и новоявленный чекист. Интересно, что же такое ему подарить?

О, придумал! Он у нас чай очень любит. Вот и получит нечто вроде подарочного набора из редких сортов. Покамест подобные наборы купить можно, но скоро, чует моя душа, даже подобные удовольствия останутся для жителей Страны Советов в прошлом. Для подавляющего большинства оных, ведь особо важные партийные товарищи себя любимых никогда не обидят.

Глава 4

Из двух сражавшихся в России армий, конечно, право называться Русской принадлежало той, в рядах которой сражались все, кто среди развала и смуты остались верными родному национальному знамени, кто отдал все за счастье и честь Родины. Не могла же почитаться Русской та армия, вожди которой заменили трехцветное русское знамя красным и слово Россия – словом Интернационал...

П. Н. Врангель, генерал-лейтенант, лидер Белого движения

...Нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, чем желая поражения во всякой войне царизму.

...Неверен лозунг «мира», лозунгом должно быть превращения национальной войны в гражданскую войну.

...Наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 108–109

Свершилось. С недавних пор я сотрудник особых поручений ОГПУ. Ну просто звание так называется, только и всего. На самом же деле – классический первый офицерский чин, просто в СССР так рьяно боролись с «порочными последствиями царизма», что даже воинские звания изувечили до неузнаваемости, равно как и знаки различия. Вот и появились в армейских частях всякие помкомполка и замкомроты, а среди чекистов и того «краше» – начальник оперпункта или сотрудник особых поручений. Прямо воинские звания, того и гляди можно запищать от... восторга.

Впрочем, шло бы оно, это странное мышление советских руководителей. Один черт, понять всю глубину их безумия я не стремлюсь. Зато стремлюсь к тому, чтобы укорениться в новой для меня среде. В ОГПУ. А она, доложу я вам, очень своеобразная, стоящая особняком от всех остальных структур Страны Советов, но в то же время неразрывно с ними связанная.

Первый отдел особого отдела ОГПУ. В необычное место меня занес не то случай, не то фортуна. Скорее, все же второе. Ведь фортуна любит помогать тем, кто сам много для этого старается, причем необычными ходами. Я... постарался. Вот и получил неожиданный, но крайне приятный подарок. Почему так? Ведь на первый взгляд был бы куда удобнее оперативный отдел. Ан нет, все далеко не так просто. Пока вынесем за скобки тот факт, что само мое попадание в ряды ОГПУ под чужой маской – огромный успех. Тут речь о другом, совсем о другом.

Оперативный и особый отделы – разные подразделения ОГПУ, причем связь между ними не такая уж и хорошая. Существуют определенные трения, точки, где их интересы пересекаются. Да и руководители отделов не сказать чтобы в сильно хороших отношениях.

Что мне с того? Удобство работы. Другой отдел, априори отсутствие контактов, допустимо не самое хорошее отношение ко всем работникам оперативного отдела. И еще кое-какие нюансы могут обнаружиться, но это уже от дальнейшего развития событий зависеть будет. А пока... Пока развитие событий идет своим чередом, полностью меня устраивающим.

Стоит начать с того, что из той богомерзкой съемной комнаты в коммуналке я благополучно перебрался в огэпэушное общежитие. Название, конечно, то еще, но по сути все оказалось куда пристойнее. Руководство чекистов было не настолько глупо, чтобы распахивать верных псов советской власти по коммуналкам. Послужившие достаточное время получали отдельные, весьма комфортабельные квартиры. Ну а новичков заселяли в так называемые общежития, представляющие из себя те же квартиры, но похуже. Ну как похуже... Небольшая комната и кухонька на человека. Для семейных порой две комнатки. Жить вполне можно, особенно учитывая то, что раньше у большинства поступивших на службу в ОГПУ и такого быть не могло.

Неплохо была поставлена и боевая подготовка. Справедливо считалось, что каждый чекист должен уметь хорошо стрелять, быстро бегать, да и умение дать кулаком в буржуинский или какой-то другой враждебный глаз тоже лишним не станет. Поэтому тир, беговые дорожки, спортзалы были не просто всегда к услугам, но и вменялись в прямую обязанность. Это радовало. Радовало меня лично, хотя и не нравилось с точки зрения хорошего физического развития тех, кого я люто ненавижу.

В тире, кстати, приходилось изображать «театр одного актера». Стрелять я умел, причем куда лучше, чем мог бы недавний студент-юрист с минимальной практикой. Вот и приходилось усердно изображать быстрый, но вполне обоснованный упорными тренировками прогресс в нелегком стрелковом деле. Револьвер, пистолет, винтовка... Да побольше, побольше! Подобное рвение искренне радовало учителей, а у некоторых нынешних сослуживцев порой вызывало легкое недоумение. Дескать, к чему так сильно усердствовать? Но объяснить это самое усердие было несложно, изображая из себя «романтика революции». Удобная, кстати, маска, если предварительно хорошенько изучить классиков этой самой идеологии. Не новых, которые в свете последних событий могли стать отщепенцами и ново назначенными предателями, а самых что ни на есть надежных: Маркс, Ленин, ну и нынешнее «светило» в лице Сталина Иосифа Виссарионовича, в «девичестве» Джугашвили.

Но главное – основная моя работа. Первый отдел занимался такой работой, где очень хорошо сочетались физическая и интеллектуальная составляющие. Противостоять иностранным разведкам и наблюдение за их диппредставительствами – то еще занятие. Требуется долго и усиленно думать, кто шпионит, как именно и с помощью каких людей-агентов. Это насчет мозга. Что же до физической стороны... Не стоит думать, что агент иностранной

разведки, почуяв опасность, будет только убегать. Может и выстрелить, причем сделать это метко, благо их этому тоже учат.

Честно признаюсь, мне пока в таких вот операциях поучаствовать не довелось. Все дело в сроке пребывания в шкуре сотрудника ОГПУ. Сейчас у нас какое время? Февраль тридцать первого года. А началось мое тут официальное пребывание всего лишь осенью тридцатого. Вот и получается то, что сейчас имеем. Не та ситуация, чтобы бросать в жернова активной работы только-только поступивших на службу чекистов. Немного жаль.

Почему вдруг? О, я ни в коем случае не рвусь делать благо ни ОГПУ, ни СССР. Тут другое, совсем другое. Сейчас я в ОГПУ никто и звать меня никак. Обычный новичок, поступивший по рекомендации, пусть даже и чекиста, имеющего кое-какой вес. Заслуг... не ноль, но близко к этому, ведь добровольная помощь ОГПУ, пусть и активная, не является чем-то особенным. Так что надо проявить себя с лучшей стороны, причем желательно в кратчайшие сроки. Подтвердить, так сказать, репутацию талантливому юнца, которая уже была использована для поступления в организацию. А для этого...

Для этого я и работал. Упорно, со всем возможным старанием, показывая непосредственному начальству, что меня можно и даже нужно загружать работой. Желательно – выходящей за рамки обычной рутины. А ее, рутины то бишь, хватало.

В первом отделе требовалось знание иностранных языков. Естественное требование, откровенно-то говоря! Без их знания сложновато работать против иностранных разведок. Не невозможно, а именно что сложновато. Не станут же оперативные агенты при любом непонятном выражении или попавшем в руки документе бежать к своему начальству или к знакомым сослуживцам с просьбой перевести непонятные письма заморско-буржуинские. И это лишь те, кто работают «в поле». Про тех же, кто имеет дело с различными документами, и говорить нечего. Немалая их часть отнюдь не на русском написана. Поэтому... положение обязывало.

Я знал немецкий и французский. Конечно же, уровень этого самого знания скрывался, но чтение и понимание прочитанного с использованием словаря – это я мог использовать. И использовал в самом начале, еще в момент собственно поступления к господам чекистам. А поскольку специалистов на германском направлении в ОГПУ хватало, то вывод был очевиден. Меня закрепили за

местными «французами». За той их частью, которая изучала стекающиеся в отдел документы, посвященные деятельности на территории СССР французской резидентуры. А она тут резвилась от души, уступая разве что вездесущим британцам.

Если большая активность иностранной резидентуры, то много и агентов. Если много агентов – то их необходимо выявлять, тщательно отслеживая все телодвижения сотрудников посольства. Но не только. Требовалось изучать множество документов, в том числе доставляемых из-за границы. Вот на этот сектор меня и посадили. Прочитать, изучить, сделать выжимку, по возможности добавить уже собственные выводы. Мрак и жуть, но никуда не денешься. Назвался груздем – полезай в кузов!

Однако не все было так уж тоскливо и печально. Не стоило забывать о том, что нынешний французский посол, Жан Эрбетт, года до двадцать седьмого проводил по отношению к СССР довольно дружественную политику. Оно и неудивительно, ведь по время расцвета НЭПа у французских торговцев и промышленников были немалые интересы в Стране Советов, равно как и вложенные капиталы. Ничуть не удивлюсь, если сам посол имел с этого вполне определенный интерес. О, вовсе не обязательно грубый финансовый, непосредственно от деловаров! Есть и другие варианты. Например, проталкивание карьерных интересов посла в обмен на определенные услуги тому или иному коллеге по дипкорпусу или кому-то из членов французского правительства. Клубок интересов, он часто столь запутанный, что при всем желании не разберешь истинную подоплеку.

Как бы то ни было, а до определенного времени – до момента, когда стали сворачивать НЭП, а заодно и интересы важных деловых людей из Франции – Жан Эрбетт был настроен благожелательно. А что такое благожелательность посла, на которую идет адекватный ответ? Это различные и довольно многочисленные контакты, всякие «клубы по интересам» и общества советско-французской дружбы. Туда же стоит отнести визиты французских социалистов и просто политиков левого толка... В общем, у определенного круга людей, близких к делам разведки, была масса возможностей навести мосты и нанять агентов. И можете быть уверены, этими возможностями они пользовались с размахом.

Вот и сижу. Читаю, хм, всякое-разное, пытаюсь выделить из откровенной «навозной кучи» то самое жемчужное зерно. Хорошо хоть соседи по кабинету

достались не слишком шумные, можно сосредоточиться, не отвлекаясь на посторонние звуки. Кстати о соседях. Их всего трое, хотя и сам кабинет не слишком велик. Да какое там велик! Маленький такой кабинетик, а мы в нем – как шпроты в банке. Добавь сюда еще одного человека с собственным столом, и все, финита, пройти будет невозможно.

Вот, к примеру, главный в здешнем маленьком коллективе – Сомченко Руслан Борисович. Такой же сотрудник особых поручений, но кубиков в петлице два, против одного у меня. Да и лет ему что-то около тридцати. В ОГПУ давно, лет шесть, начинал с агента третьего разряда, то есть, если по-старому, с младшего унтер-офицерского чина. Ну и за прошедшие годы упорно прогрызал себе дорогу к нынешнему положению. Всеми силами и средствами. Жёсток, жесток, уперт, но назвать его дураком было бы откровенным лицемерием. А вот к моей персоне Сомченко относится крайне негативно, хотя и пытается это скрывать. Правда, получается не очень.

Почему вдруг? Да все просто. Он начинал с нижней ступени, а я аж несколько проскочил. Потом университет и вообще образование... В СССР, как я успел понять с самого детства, быть умным довольно опасно, если не умеешь хитрить и изворачиваться. Ну а получить клеймо «интеллихента» – то еще сомнительное удовольствие. Классовая ненависть во всей красе обеспечена.

Впрочем, на меня этот штамп поставить сложно, я себя ставлю совсем по-иному. Знания – да. Какая-либо мягкость поведения – ни в коем случае. Да и подчеркнутая верность идеалам коммунизма – кушайте на здоровье. Этаким советский человек новой формации, о котором так любят порассуждать нынешние идеологи, не понимающие, что по мановению руки люди из грязи не поднимаются и уж точно не отмываются. А грязи было столько, что... Ладно, не о том речь. Важно другое – мои отношения с Сомченко, несмотря на явную неприязнь с его стороны, достаточно приемлемы, чтобы тот не ставил палки в колеса во время работы. Хотя и помощи от него ну точно не дожидаться. Хорошо, что мне от него ничего по большому счету и не надо, кроме отсутствия вмешательства.

Ну и двое других чекистов, делящих с нами кабинет и в какой-то степени подчиняющихся даже мне. Петров Иван Александрович, агент первого разряда, то есть унтер-офицер самого высокого уровня. Прост, как медный пятак, вполне доволен своим нынешним положением и причастностью к ОГПУ, никакого стремления двигаться дальше по служебной лестнице. Инициативы ноль, но

приказы выполняет досконально и с крайним усердием. Ну и стоит отметить умение стрелять и бить морды всем, на кого укажут. Классическая грубая сила.

И Халилов Магомед Гуссейнович. Как бы это про него сказать, чтобы четко и без слов малопристойных? Потрясающая помесь дуба и барана. Тупой, дурной и практически ничего не понимающий. Оказался в системе еще в девятнадцатом году, да так выше агента первого разряда и не поднялся. Хотя хотел, очень хотел, и желание это никуда не делось. Вот только даже по меркам Страны Советов Халилов был просто потрясающе туп.

Зачем его тогда вообще держали? Ну, помимо проверенности и уважения к стажу службы. Ответ был прост и... противен. Халилов был самым что ни на есть заплечных дел мастером, любящим причинять боль и умеющим это делать. Именно этим он и занимался, но поскольку официальной должности палача как-то не водилось, то числился он тут. Право слово, мне на него и смотреть-то было противно. А приходилось разговаривать, временами улыбаться и вообще вести себя, словно рядом сидит обычный человек, а не садист, у которого руки в крови даже не по локоть, а по самую маковку.

И удивляться не стоило. Подобных среди чекистов хватало, в том числе и тех, которые являлись такими вот неофициальными палачами. И это считалось нормой, более того, нормой, получившей одобрение самых верхов. Забавно, но даже некоторых большевичков еще во время Гражданской проняло до печенок то, что творили и продолжали творить их опричники. Даже официальный документ был со словами насчет «произвола организации, напичканной преступниками, садистами и разложившимися элементами люмпен-пролетариата». Требовали даже упразднить эту структуру, как вышедшую за крайние рамки добра и зла. Естественно, этот отголосок человеческого восприятия мира остался гласом вопиющего в пустыне. Тем более что глас этот исходил от бывшего имперского офицера Каменева, выпускника Академии Генштаба. Думаю, именно тогда до него дошло, на чью сторону он перешел, кому помогал своим предательством. И все эти пiski о недопустимости террора и кровавой вакханалии под руководством ЧК были... смешны.

Ах да, едва услышав подобные слова, тогдашняя «несвятая троица», состоящая из Троцкого, Сталина и Свердлова, пользующаяся полной поддержкой самого «вождя мирового пролетариата» Ленина, прямо заявила, что террор был, есть и будет, а ЧК вне любой критики. Самому же Каменеву и прочим, не до конца расставшимся с принципами, был сделан намек сидеть и не высовываться. А то

ведь объявить человека врагом революции – дело легкое. Для пущей же убедительности вместе с самим «не оправдавшим доверие партии» легко пустить в расход и членов его семьи. Так, для профилактики. После этого никаких протестов не было. Удивительно, правда?

* * *

– Все работаешь, Алексей? – вырвал меня из глубин размышлений и одновременного чтения документов голос Петрова. – Скоро уж рабочий день заканчивается. А ты все за своим столом сидишь, даже взгляда от бумаг не оторвешь.

– Дел много. Больше половины бумаг на французском, а их так легко не прочитать. Да еще каждая мелочь может оказаться важной.

Иван лишь улыбнулся и, подвинув стул, присел. Бедная мебель протестующе закричала, поскольку почти сто килограмм Петрова были для нее не самым легким испытанием. А для меня в качестве испытания выступали немереные любопытство и оптимизм чекиста, заодно с его желанием поболтать обо всем и ни о чем. А ведь приходится, с коллегами, тем паче находящимися в одном кабинете, надо поддерживать хорошие отношения. Особенно сейчас, пока я тут новичок.

– И какие важные мелочи сейчас пытаешься найти?

– Наклеывается кое-что... – Я изобразил взмахом руки нечто такое неопределенное, но Ване этого было мало. Понимая, что тот просто так не отцепится, пришлось пояснить: – Собираю данные о всех французских обществах, которые были в СССР, особенно здесь, в Москве. Потом, собрав все сведения, нахожу людей, которые были не на виду, но все же засветились. И затем уже пытаюсь отследить, кто и после охлаждения отношений с Францией, выглядит... необычно.

– Это как?

– А вот так. Новые должности, к примеру, или усилившееся влияние на месте работы. Может, оно и само собой, а возможно и при помощи наших французских

«друзей». Потом попробовать выявить какие-либо контакты... И если они есть, то брать в разработку.

– Мудришь ты чего-то там. Сразу видно, что бывший студент, – отмахнулся Петров. – А вообще занимайся чем хочешь, главное, чтобы начальство не прознало. Крику будет!

Воистину, простота хуже воровства. Как будто начальство не знает, чем я тут занимаюсь! Это ведь те же Петров с Халиловым тут для «подай-принеси-свободен». Другие же занимаются той самой аналитической работой. перетряхивая тонны пустой породы для нахождения чего-либо ценного. И далеко не факт, что просмотрев одни и те же бумаги, разные люди сделают одинаковые выводы. Ведь тут многое от стиля мышления и талантов в области сыска зависит. А он в ОГПУ есть далеко не у всех, и это меня откровенно радует.

Звук открывающейся двери... Халилов приперся. И как всегда что-то жрет. Не ест, а именно жрет: с причавкиванием, непременно последующей отрыжкой и облизыванием пальцев. Животное, чтоб его! И ведь куда только в него такая прорва еды умещается? Сам довольно худощавый, невысокий, а все как в бездонную бочку проваливается.

– Опять жрешь, Магомед? – фыркнул Петров, даже не глядя на коллегу. – Может, тебе к доктору, чтоб он тебя на глистов проверил?

– Сам ты это... глыст! Я этих докторов еще тогда лэчил... Все они вредители.

Выдав этот шедевр мудрости, уже неведомо какой на моей памяти, претендент на звание самого тупого чекиста года важно прошествовал к своему столу, где и затих... Все правильно: пожрал, потом поспал, потом опять пожрал... и так далее. Обычный круговорот событий у низших жизненных форм. На Халилове можно не одну научную работу написать, вот только желающих почему-то нет. Больно неприятное создание.

– Вань, а Руслан Борисович сегодня еще вернется или уже домой отдыхать отправился?

– Я то почем знаю! – пожал плечами Петров. – Он мне не докладывает. Да и тебе тоже. Ушел по делам. Вернется, когда закончит. А что, сильно нужен?

– Да не то чтобы прямо сейчас. Просто кое-что интересное проступает касаясь некоторых людей. Не хочу через его голову докладывать.

– Тогда да, тогда конечно. Товарищ Сомченко такое не любит.

– Такое никто не любит, – позволил я себе легкую усмешку. – Поэтому я и не собираюсь делать ничего такого. Все по закону, писаному и неписаному.

Петров понимающе закивал, после чего, увидев, что я вновь закопался в бумаги, отчалил к собственному столу. Не то чтобы работать, скорее просто подремать с открытыми глазами до окончания рабочего дня. Нутром чуял, что я его ни за новыми документами, ни в архив уже не погоню. Правильно чуял, сейчас мне только и оставалось, что подчистить кое-какие шероховатости да оформить докладную записку в максимально выгодном ключе, а потом сделать еще кое-что...

Вот и получилось, что спустя полтора часа после окончания работы я сидел в одной из пока еще многочисленных московских чайных, наслаждался здешним ассортиментом и... ждал человека, о встрече с которым договорился еще два дня назад. А сегодня лишь подтвердил, что никаких форсмажорных обстоятельств не возникло. Имя же его... Ну да, тот самый Руцис Аркадий Янович, тесные отношения с которым были важным элементом разработанного плана.

Звонил я ему довольно часто. Встречи были более редкими и неперiodическими, лишь по действительно важным, по его мнению, вопросам. Мне лишь оставалось подыгрывать в этом опытному чекисту, ведя себя так, как должна была вести моя маска. И вроде как получалось. Откуда уверенность? Да просто в противном случае у меня быстро бы нарисовались проблемы. Сначала в виде слезки, а потом... Мда, потом пришлось бы быстро исчезать, опережая приказ об аресте. Но пока что бог миловал. Надеюсь на то.

– Что-нибудь еще подать? – нарисовался рядом официант, стремящийся услужить человеку в форме ОГПУ.

– Пока нет. Позже – непременно. Жду человека. Как появится, тогда подойдете.

- Будет сделано-с...

Ага, понятно. Еще с тех времен персонал. Уж больно привычки и речевые обороты соответствуют. Хотя удивляться особо нечему. Обслуга, она такая, любые встряски без особых потерь способна пережить. Не вся, конечно, но тем не менее. Ведь новые «хозяева жизни» любят кушать, как и прежние. А еще предпочитают, чтобы их обслуживали соответствующим образом, пусть он и далек от «пролетарской солидарности». Мда, забавно все же смотреть на происходящее несколько со стороны. Думаю, что схожим манером взирают на происходящее немногочисленные сейчас в Стране Советов иностранцы. Но есть и одно отличие. Им просто чудно и забавно видеть все это. У меня же улыбка – средство защиты от горечи при виде того, что стало с некогда прекрасной и процветающей Россией. Печаль и безнадежность – вот наилучшие эпитеты, приходящие на ум при взгляде на окружающую действительность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/polyakov_vlad/oskolok-imperii

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)